

Озем

*Тьма
и Укалаев*

Книга первая

Озем

Тьма и Укалаев. Книга первая

«Издательские решения»

Озем

Тьма и Укалаев. Книга первая / Озем — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966583-6

Укалаев — небольшой город на границе уральской тайги. Вторая половина девяностых годов. Непривычные перемены тревожат горожан, а в здешних обстоятельствах и без того много странностей. Старое пророчество, святилище туземцев на скале, лешики, оборотни, мстительные девушки, покойный комиссар. И для полноты картины — крах большой страны. Куда же дальше?

ISBN 978-5-44-966583-6

© Озем

© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
1.1	8
1.2	13
1.3	20
1.4	27
1.5	34
1.6	39
1.7	46
1.8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Тьма и Укалаев

Книга первая

Озем

© Озем, 2019

ISBN 978-5-4496-6583-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-6584-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ

«Укалаев – небольшой город, расположенный на границе Ялковского леса – это север Красноустанской области на Урале. Не отличим ничем от десятков своих собратьев, что берут начало от поселений при первых уральских заводах. Суровый климат и суровые жизненные обстоятельства. Укалаевские жители воспринимают тяжелый, изматывающий труд как основу бытия, опыт предыдущих поколений служит тому подтверждением. Жизнь упорная и очень конкретная. И когда твои плечи придавливает привычный груз забот, не слишком-то сподручно поднять голову и посмотреть, что там выше.

Сложно обвинять людей в приземленности большинства их мыслей и желаний. Укалаевцы такие, какие есть – живут своей жизнью и сами не замечают ее. Ходят на работу, выполняют производственные задания и очередную пятилетку в три года, читают газеты, голосуют на собраниях, делают покупки в магазинах, копаются в огородах, клеют обои в квартире, вечерами, собравшись возле телевизора, пьют чай с вареньем, женятся и расходятся, рожают детей и хоронят родственников. Жизнь подобно поезду катит на всех парах, мелькают года, события, люди. Именно так. Мы вечно спешим. И порой не желаем замедлиться и ощутить себя самих и кое-что рядом с нами. А рядом с нами – в нашем городе, в одном с нами времени – в случайной реальности – существует тайна.

Ее шаги звучат за нашей спиной.

Ее легкая рука скребется в створки наших окон.

Ее запах проникает с улицы вместе с тьмой и холодом, ощущением тревоги.

Ее тихий голос звучит в нашем мозгу на грани сна и бодрствования.

Ее соблазн завораживает душу.

Пока мы заняты мелкими хлопотами и все глубже тонем в ежедневной рутине дел, рядом с нами, под зеленым покрывалом леса существует ТАЙНА».

Цитата из очерка «Под зеленым покрывалом тайны».

Посвящается другу и единомышленнику, помощнику в скромных трудах, умной и яркой женщине Гузели Бикташевой.

Автор Конрад Слепушкин, историк, краевед, сотрудник Устанского музея.

Укалаевская газета Красная заря, 1984 год.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

С чего начать?
С того, что вовсе не было началом
И никакой здесь роли не играло...
И изменить ничто здесь не могло
Как бабочки взмахнувшее крыло.

1.1

Город Укалаев.

Кабинет главы администрации. Совещание.

мэр Коренев Виктор Васильевич

референт мэра Богдан Тенишев

директор УМЗ Федоров Федор Федорович

эмиссар из области Микушин Виталий Антонович

БОГДАН – Да про что разговор-то сейчас ведется? Виктор Васильевич, дорогой, послушайте же!! Ведь мы битый час обсуждаем одну – единственную тему! Вы говорите, что этот человек собирается приехать в Укалаев? Сомнительно. Получается какой-то скверный анекдот... Ладно, вот приедет – тогда и будем... Пока не вижу причин для беспокойства. И потом, у нас демократические выборы, если вы не позабыли, господа – товарищи! То есть, хотя бы ради приличия, стоит слегка взбаламутить здешнее болото, а то в Укалаеве все тишь да гладь. Вообще-то, я не про погоду... У нас не голосование за единственного кандидата от блока коммунистов и беспартийных. Для компании нужна игра, нужен пусть даже намек на интригу. Короче, тра-ла-ла и все прочее... Как вы здесь убеждаете присутствующих, фамилия Седон в Укалаеве известна каждой собаке – не уверен, но пусть так. У этого кандидата нет ничего, кроме фамилии – но сам факт победы над Седоном что-то да значит. Наш Виктор Васильевич получит мандат доверия населения, мы достигнем своей цели! Вот так, господин Микушин, можете и доложить областному начальству. Нечего беспокоиться!

МИКУШИН – О чем вы толкуете, Богдан? Так развлекаетесь? Это не игра! Впрочем, если вашему шефу нравится...

БОГДАН – Вот только не испепели меня взглядом, Виталик, дружище. Я всегда говорю, что думаю, и мне плевать, что подумаете вы вместе с Краулиным в ваших устанских кабинетах. Именно так!

КОРЕНЕВ – Господа, давайте не сориться! Богдан, полегче на поворотах. И вы, господин Микушин, поспокойнее... Делить вам нечего.

МИКУШИН – Прошу прощения, Виктор Васильевич... Да, да, конечно, в словах вашего сотрудника есть резон. И я даже склонен согласиться с Богданом ...э... Осиповичем. Наша сегодняшняя встреча действительно представляется гаданием на кофейной гуще – пока господин Седон не приехал в Укалаев и не заявил о своих ближайших намерениях. Однако то, что он приедет, несомненно. Сведения заслуживают доверия и самого серьезного отношения, Юрий Семенович Краулин тоже так считает. Безусловно, на днях Седон будет у вас, он приезжает в Укалаев. И не нужно иметь семь пядей во лбу, дабы понять, что на родине, в своем доме и стены помогают. И Седон сумеет найти здесь сторонников. Мы должны это учесть, чтобы уважаемый Виктор Васильевич стал мэром Укалаева... Но господа, нет сомнений, что Седон выступит главным нашим соперником – как говорится, предупрежден, значит, вооружен. Я со своей стороны предостерег бы против легковесного отношения – вы, Богдан Осипович, с ним не знакомы... Разумеется, я думаю, что Виктору Васильевичу не нужно слишком волноваться: ситуация немного усложнилась, однако в целом осталась под контролем. Конечно, победа на выборах потребует усилий, но все шансы на нашей стороне. Будьте уверены, Виктор Васильевич.

КОРЕНЕВ – Так, так. Я, естественно, не склонен драматизировать, но сказать, что мне нравится происходящее... Эта фигура Седона кажется мне надуманной: приехать из столицы, чтобы участвовать в соискательстве места главы провинциального городка – да что, в столице мало интересного? Как будто его здесь ждут – не дождутся и примут, и поддержат – это

более, чем сомнительно... Да этого Седона здесь не было столько лет! Сколько? Шесть, семь... Он не появлялся в Укалаеве ни разу, не приехал даже на похороны своего друга Зырянова. Покойничек- то не один десяток лет директорствовал на УМЗ, еще когда Седон в горисполкоме сидел – а вот подишь ты! дружба получилась, показал свое истинное лицо! А ведь мне говорили, что он неплохо относился к покойному, и родней они были – казалось бы, простой человеческий долг обязывает... Однако Седон предпочел оставаться в Москве, когда здесь хоронили его друга. И вот, после всего произошедшего он осмеливается приехать в Укалаев – с каким лицом и каким чувством стыда! Не-ет, я правильно думаю: мораль в наше время есть непозволительная роскошь – люди никого и нечего не стыдятся!

МИКУШИН – Безусловно, Виктор Васильевич, ваши нравственные убеждения значат для вас очень многое – мы это помним – надеюсь, помнят также ваши избиратели. Ведь вы трудились, не покладая рук.

КОРЕНЕВ – Да, да! Людей не обманешь красивыми сказками – они видят, что сделал я, и что наобещает им мой бессовестный конкурент. Я даже представляю это!

МИКУШИН – Вот и наша первая задача – грамотно объяснить укалаевцам истинное положение дел, чтобы их не запутали – люди в провинции так доверчивы...

КОРЕНЕВ – Вы правы, ой как правы... И сейчас, после того позорного скандала в бане – мерзостной истории с моральным разложением – Седон полагает, что может появиться здесь и объявить о намерении баллотироваться? положительно мир сходит с ума! Да нельзя ему позволить!

МИКУШИН – К несчастью, запретить мы не вправе. У нас демократия. Никто не имеет преимуществ – ни партии, ни отдельные политики.

КОРЕНЕВ – Я только за! Но чисто по-человечески... Раньше было больше справедливости и порядочности – подобные фортели были совершенно невероятны.

МИКУШИН – Ну, ну, не будем вспоминать... Тем более, что мы собираемся победить в нынешних выборах, и должны действовать соответственно...

КОРЕНЕВ – Седону нельзя надеяться на поддержку людей в Укалаеве – это наивно.

МИКУШИН – Но хлопот нам добавит.

КОРЕНЕВ – Я предпочел бы более серьезного соперника, поскольку мне кажется, что этот человек – демагог, он что угодно наобещает жителям – ведь ему не придется отвечать за свои обещания. Ведь не Седон все эти годы занимался реальными проблемами – дорогами, больницами, школами в Укалаеве, не он пахал сутки напролет!.. И да, я всегда старался быть честным с жителями – даже когда случилась забастовка на заводе. Все это устроили мои враги, враги Укалаева! Теперь наши проблемы использует Седон совершенно подлым образом... И честно говоря, я надеялся, что мы проведем избирательную кампанию спокойно, на приличном уровне – а теперь эдакая клоунада!

МИКУШИН – Уважаемый Виктор Васильевич, не надо все рисовать черными красками. У нас много шансов... Безусловно, Седон как-то собрался апеллировать к избирателям, и сторонников он отыщет, и они вместе предпримут действия – в достаточной степени организованные действия. Нам нужно собраться отражать удары. Естественно, местная публика ощутит прилив интереса к Седону – он все-таки здесь считался фигурой, по вашим же словам.

КОРЕНЕВ – Да не фигурой! Как уехал, так никто его ни разу и не вспомнил! Нет повода вспоминать – только одни анекдоты рассказывали; их и до сих пор передают без всяких приличий. Вон Богдан может накидать вам их десяток...

БОГДАН – Ага, местный юмор довольно-таки живой, особенно хороши анекдоты про баню – ну вы понимаете...

КОРЕНЕВ – Богдан, опять!! Ты невыносим.

МИКУШИН – И тем не менее, любая новизна любой элемент неожиданности можно считать преимуществом – Седон этим воспользуется...

КОРЕНЕВ – О Господи, я же говорил: будет клоунада!

МИКУШИН – На это я отвечу – и Богдан Осипович, надеюсь, подтвердит – что люди любопытны, однако проголосуют в провинции, как всегда заведено здесь. Провинциалы всегда стремятся в ряды большинства – очень важно, как решили их родственники, соседи, сослуживцы, как посоветовали голосовать на заводе. Поэтому я полагаю, что основные средства убеждения надо задействовать в привычной среде – там, где люди трудятся, где действуют правила дисциплины, субординации, организованности. Советские люди так воспитаны – и совсем неплохое воспитание, следует отметить... И здесь мы вправе рассчитывать на поддержку нашего уважаемого директора УМЗ – Федор Федорович, вы согласны, не так ли?

ФЕДОРОВ – Кхм... Виктор, я тебе обещаю, мои рабочие на заводе проголосуют так, как я им скажу – а скажу я только за тебя. Мои люди, да еще их семьи, за заводчанами подтянется весь город, мы тебя выберем, не сомневайся! Не дергайся ты из-за всяких приезжающих – пусть хоть из Москвы заявятся! чем они тебе способны помешать? Пустое! И митинг тебе на заводе организуем, людей стоним всех поголовно – произнесешь свою речь, как положено. Не в первый раз одно дело делаем! А из москвича мы спесь быстренько вытрясем – не звали его сюда!

МИКУШИН – Спокойно. Не надо резких жестов, скандалы лишь повредят, когда перевес с начала на нашей стороне – по крайней мере, вы так уверяете... Вовсе уничтожать конкурента нет нужды – ведь это выборы. Нам придется играть на одном поле... Если не ошибаюсь, Седон в свое время с семьей уехал в Москву?

КОРЕНЕВ – Да! Он сбежал сразу, как его вышвырнули из кресла председателя горисполкома, взял жену и детей с собой и уехал, с тех пор о нем ни слуху, ни духу – я ведь вам уже говорил! До нынешнего случая, когда он свалился как снег на голову!

МИКУШИН – Он уехал в Москву, однако в Укалаеве у него имелись родственники, сподвижники и, возможно, друзья?

КОРЕНЕВ – Да, все мои враги – межуйские старожилы. Моралисты Айдаховы, скандалисты Злайго – кооператоры хреновы! Пенсионер Серостанов. Все те же торгаши Мицкисы. Пожалел я их зря! Теперь плетут интриги за моей спиной! Есть помимо открытых врагов еще и скрытые – эти в лицо смотрят, улыбаются, кивают, и не поймешь, как в решающий час поступят, ждать ли от них удара в спину – вон Валиев, начальник милиции, тот еще типчик.. А родственники Седона – да они на Межуе все родственники! Повозиться пришлось, прежде чем вышвырнуть их с завода – свили Седоны там себе гнездо! Это не их фамильная вотчина! Слава Богу, мы не при царском режиме живем!

МИКУШИН – Семейство Седонов осталось жить в городе?

КОРЕНЕВ – Их целый выводок здесь был всегда. Не вычистили, не вырвали с корнем в семнадцатом году и позже – теперь бы с ними не мучились... У самого Седона уцелела квартира в старом городе – чуть ли не пятикомнатный особняк в сталинском доме с башенками, там жил и покойный директор УМЗ Зырянов. И после отставки Седона он той квартиры трогал – для него Седоны святы и неприкосновенны – нашел себе икону, чтобы лоб расширить! Теперь Зырянов умер, Седоны квартирку, конечно, приватизировали, вдобавок отгрохали домину на Межуе чуть ли не в три этажа... Начали плодиться богатеи – квартиры у них, собственные дома. За какие – такие заслуги?.. Хоромы они так и не освободили – не в состоянии расстаться с народным добром, ко всему у них фамильное отношение, как к своей собственности. Будто весь Укалаев принадлежит им на корню! Младший брат Седона периодически появляется в городе – говорят, поэт он, то есть бездельник!.. Связи у них тут имеются, и место, где остановиться тоже.

МИКУШИН – Пожалуй, нам не мешает собрать об этом достойном человеке и его близких больше полезных сведений...

БОГДАН – Это нетрудно. Субъект, пойманный на скандале в бане, не может быть ангелом – у него, несомненно, окажутся и другие грешки.

КОРЕНЕВ – Не нравится мне все это.

МИКУШИН – Потерпите, дорогой Виктор Васильевич. Я вас понимаю, но избежать подобных вещей не удастся. Это реалии избирательной борьбы. В Укалаеве первые демократические выборы.

БОГДАН – Только что вы говорили не уничтожать Седона...

МИКУШИН – Я имел в виду не давить его старыми совковыми методами – не сразу к ногтю, и нет его. Избирателям надо предоставить разумную свободу выбора – разумную, я сказал.

БОГДАН – Намудрите вы тут...

МИКУШИН – Не заботьтесь об этих подробностях, Виктор Васильевич. Вы перед народом выступите в духе, который не противоречит вашим убеждениям и убеждениям ваших избирателей. Провинциальную психологию учтем и возьмем на вооружение... Надо воспользоваться любыми козырями, любыми публичными предложениями. Вот в мае месяце Укалаев ожидают юбилейные торжества – очень кстати, обещаем вам самое широкое внимание областной прессы. Здесь вам и карты в руки – вы мэр, и вы будете представлять эти торжества.

КОРЕНЕВ – Не люблю я шумиху, помпезность... Я человек старой закалки, на первом месте работа. Опять начнутся терки с Установом, выяснения – который город старше? Укалаев или областной центр. Директор местного музея Завалишин уже разразился статейкой в Светозаре.

МИКУШИН – Светозара? Что за фрукт?

БОГДАН – Городская газета. Раньше была Красной Зарей. Собственно, официальный орган Укалаевской администрации Красная Заря продолжает выходить, а Светозара отпочковалась и пустилась в независимое плавание. Игорь Бикташев – яркий журналист, он заправляет в Светозаре и на новом городском канале с таким же названием. Собрались молодые энергичные ребята, дело у них спорится.

КОРЕНЕВ – Местная власть уважает свободу и независимость прессы. Мы никоим образом не покушаемся...

ФЕДОРОВ – А не мешало бы, Виктор. Журналист бред несет! И это перед выборами...

МИКУШИН – Клин клином вышибают. Ваша скромность, Виктор Васильевич, вас украшает, но про нее следует забыть. Приложим усилия. Уже сейчас область позаботилась о пиарщиках – они должны на днях приехать в ваш город. Мыслите и поступайте по-современному, это окупится! Юбилей города – готовый повод, подлинный подарок!

КОРЕНЕВ – Да все это уже делается, не считайте нас медведями. Подготовка идет. Сценарий торжеств расписан. И центральную площадь приспособим. Соорудим большой помост для выступлений. По времени выходит самое то – два воскресенья подряд – сначала городской праздник, а затем выборы.

БОГДАН – И агитационные мероприятия задействуем в первое воскресенье. Совместим два важных повода.

КОРЕНЕВ – Еще сэкономим – я не как мой конкурент, должен заботиться о разумных тратах – нынешний год для города влетит в копеечку... Кому только понадобились эти выборы!

ФЕДОРОВ – Все так и будет, Виктор, не бойся. Вот увидишь, твои страхи как дурной сон... В который раз уже собираемся да обсуждаем – а что тут обсуждать? Станешь ты хозяином Укалаева – ну и мы с тобой вместе, если не вспомнишь, кто тебе помогал, хе-хе...

КОРЕНЕВ – Федор, ну что ты... Слава богу, сколько лет друг друга знаем... Ладно, засиделись мы. Кое-что обсудили – и на том спасибо, пора расходиться. Молодежи вон у нас уже невтерпеж... Да и как посмотреть здесь – мы-то все больше по старинке, по простоте да по совести, а они вон как – реалии избирательной компании, пиар-ходы... Умереть и не встать – изби-

рательная компания в Укалаеве! Мил друг, да тут со времен царя Гороха народ эдаким не смущали... И вправду времена пошли – никаких запретов...

МИКУШИН – Виктор Васильевич, мы ведь уже обсуждали эту тему...

КОРЕНЕВ – Ну извините, Виталий Антонович, огромное спасибо, что приехали, поддержали, за советы ваши особенно благодарны – может, и в нашем укалаевском углу что выгорит...

МИКУШИН – Не лукавьте, Виктор Васильевич, на своей земле вы лучше всех справитесь. Я передам Юрию Семеновичу, что у вас все под контролем – мне даже кажется, что чрезмерным.

КОРЕНЕВ – А мы тут умишком своим кумекаем, что лучше перегнуть палку, чем потом той палкой себя же по темечку колотить ой как больно... Премного благодарны, Виталий Антонович, за помощь, Краулину Юрию Семеновичу привет передавайте... Тестя вашего здесь очень уважают, он меня в свое время на Укалаев выдвинул – в горисполком – в большом долгу я у него... Дочку его, Жанночку, супругу вашу, я помню с тех лет, как она с бантиками бегала, теперь, значит, у вас семья образовалась – дело хорошее, молодое... Юрий Семенович, наверное, внуков заждался... Да, Юрий Семенович – умница и скромный человек, никогда не любил выставляться – старая закалка. Не то, что краснойбай Седон. Тот прославился с отставкой!

ФЕДОРОВ – Правда, Виктор, утро вечера мудренее...

БОГДАН – Вроде все успели обсудить... Ладно, не так страшен черт, как его малюют. Этот Седон у нас еще попляшет! И мы не пальцем деланные!

КОРЕНЕВ – А ты чему радуешься, Богдан? И куда ты так торопишься, а?.. Так вот, куда ты все время едешь – успеешь в любое время!

БОГДАН – Шеф, я не имел в виду...

КОРЕНЕВ – Я прекрасно знаю, что ты всегда имеешь в виду... Подумать только – он краснеет! Ладно, я не задержу тебя – можешь собираться и отправляться по своим делам. Только окажи любезность – поменьше шума, не мозоль местным глаза хотя бы перед выборами – потерпи недолго, а там опять душу отведешь.

БОГДАН – Вы ко мне несправедливы!

КОРЕНЕВ – Прекрати! Лучше позаботься о нашем госте. Виталий Антонович, вот мой помощник вас и проводит.

1.2

Город Укалаев.

Кабинет главы администрации.

мэр Коренев Виктор Васильевич

директор УМЗ Федоров Федор Федорович

ФЕДОРОВ – Гхм, гхм... Виктор, не нервничай так, прошу тебя. Ведь ты всегда был разумным человеком, что я в тебе и ценю. Сладим мы твои выборы по первому классу – подумаешь, Седон! Кто он такой?.. Да собственно говоря, против тебя еще реально не выступил никто, а оппоненты тебе не помешали бы – как никак, выборы! демократия...

КОРЕНЕВ – Тебе легко произносить речи! Ты, слава Богу, сидишь в своем директорском кресле, и сиди себе дальше, а мне еще надо пережить эти выборы и вновь переизбраться... И не убеждай меня, чтобы я ко всему относился спокойно – поверь, я именно так и отношусь. А вот ты прикинь – если случится провал, т.е. с выборами не прокатит, то ты, дружище, не надейся усидеть на троне. Кто ты, вообще? Как был чужаком на заводе, так и остался... Местные ни тебя, ни меня ни в грош не ставят, я знаю, о чем говорю!... Мы должны держаться вместе.

ФЕДОРОВ – Да я разве не понимаю! Виктор...

КОРЕНЕВ – И прекрати меня успокаивать! Я тебе не истеричная девица. Посмотрел бы я, кем ты сейчас был бы, если бы в свое время я не устроил бы тебя на здешнее теплое местечко. Это еще тебе подфартило, что старик Зырянов вовремя умер, а то не видать бы тебе директорства как своих ушей. Ты не заблуждайся!

ФЕДОРОВ – Да как же – ты! – палку-то не перегибай. Если бы не Краулин, и ты штаны бы протирал в Устане в разных должностях среднего звена. Тебе ничуть не меньше подфартило – а вот Седону не повезло. Вспоминаешь? Наверное, потому ты сейчас бесишься, что тоже думаешь – фарт как начался, так и закончиться может... Ловко вы с Краулиным тогда дело повернули – Седона по шапке, а ты сразу в дамки, прямоком в укалаевское начальство. Хе-хе, складно, ничего не скажешь... Да только уж больно обидно вы обошлись с Седоном – то – нехорошо вы его снимали. Мужик такое не простит... Да мало ли несправедливостей на свете! Или тебя совесть гложет?

КОРЕНЕВ – Ерунду порешь, Федор. Ссориться нам сейчас совсем ни к чему. Если раскачаем лодку – оба утонем.

ФЕДОРОВ – И я о том же...

КОРЕНЕВ – Я не считаю положение опасным. Однако недооценивать противника тоже нельзя – вообще, Седона или кого иного... Я не хочу сюрпризов! Пусть я с пренебрежением отнесусь к сопернику после выборов, чем до них. Ты сам понимаешь, как нас здесь любят!

ФЕДОРОВ – И тот Седон в особенности. А у него ведь в городе свой круг имеется... Не на пустое место человек приезжает.

КОРЕНЕВ – Вот именно! Это ты убедил себя, что директору УМЗ никто не может перечить – так тебе же спокойнее. Старожилы – народ упрямый, и так ли уж все заводчане расстелились перед тобой и не смеют возражать? Думаешь, ты всех Седонов уволил? А они все тут как тут, переплелись единой веревочкой – брат, сват, тесть, черт знает кто! И у них на нас зуб! Дружище, давай не лицемерить сейчас, когда никто не услышит!

ФЕДОРОВ – Совсем больной стал... Виктор, ты переработал, утомился, сам себя замучил напрасными вещами.

КОРЕНЕВ – Я замучил себя, да? Я все это напридумывал? Не-ет, друг, я не склонен придумывать сам себе проблемы, мне вполне хватает реальности. Я глава города! Мало мне того

несчастливого сумасшедшего, что в Укалаеве по ночам женщин ножичком чиркает – хорошо еще, что никто серьезно не пострадал, а то случилась бы у нас шумиха, журналисты налетели бы вороньем. Ославят и город, и городское начальство! Вот и избирайся в таких условиях! Ну, так то идиот, его потому и поймать трудно. А спрос все равно с руководства, с кого же еще! Сижут тут как на вулкане – никогда не предугадаешь, где рванет – то в детсаду кишечное расстройство, то в Светозаре заметка, как Ялковский лес рубят без разрешения, то местные краеведы оскорбятся на невнимание к их трудам. Директор музея – дедок Завалишин – меня уже достал, каждую лекцию в музее он начинает с Седонов и Седонами заканчивает. И я принужден это выслушивать. Да мало ли мне забот... А тут ты – мой друг и мне же палки в колеса вставляешь!

ФЕДОРОВ – Виктор, о чем ты? Что ты несешь?

КОРЕНЕВ – А ты представляешь, чего мне стоило прикрыть скандал с твоей историей на заводе? Пожар потушен, но угольки-то тлеют... На выборах нам очень бы поспособствовал шум по поводу забастовки на УМЗ! Федор, сколько раз я тебе втолковывал, что дело нужно делать тихо! Ты как слон в посудной лавке.

ФЕДОРОВ – Ты преувеличиваешь! Какая забастовка – пять работяг в литейном цехе не вышли на смену. Плюнуть и растереть! У меня на заводе две тыщи голов – кто об этих пяти вспомнит? А тех субчиков я еще научу родину любить – пролетарии, подишь ты!

КОРЕНЕВ – Нет!! Опять ты за старое. Краулин тебя отблагодарит, если шум поднимется... Федор, застрельщиков ты не тронешь. Это совсем не ко времени... Кстати, как там наши основные дела складываются? Решаешь вопросы?

ФЕДОРОВ – Все путем. Объявили скупку акций – народец понесет в клювиках. У каждого помаленьку, и наберем потребное количество. В городе денег нет – у работяг вовсе не имеется, так что цену гнать слишком не станем – и тем удовлетворятся! Откроем точку в конторе, там удобнее и проще – расчет прямо на месте, живые денежки из рук в руки.

КОРЕНЕВ – Это за тобой. Ты давай, отработывай. Здесь проколов быть не должно.

ФЕДОРОВ – Обижаешь!

КОРЕНЕВ – Раньше, ра-аньше надо все это завершать. Сейчас выборы – подумай, сколько журналистов и всяких разных личностей принесет нелегкая в Укалаев, а шум не нужен, совсем не нужен...

ФЕДОРОВ – Ну не кипиши, Виктор, все путем. Сдался тебе этот Седон – как в первый раз макнешь в дерьмо – пусть сидит, обтекает... Не дрейфь, прорвемся!.. Вот только одно...

КОРЕНЕВ – Что еще?

ФЕДОРОВ – Как будто проклюнулся чей-то интерес к бумажкам УМЗ. На днях появятся объявления в газетах – ты знаешь, мне шепнули заранее.

КОРЕНЕВ – В областных газетах уже появились? Не нашей фирмы начинание? Юрий Семенович участвует?

ФЕДОРОВ – Никак нет. Наши люди с самого начала спокойно работают – акции мы покупаем прямо на заводе – так проще, зачем огород городить из области? Опять повторяю: все спокойно, без лишних проволочек делается – люди приходят, и сделку сразу оформляем. А мы говорим про какую-то стороннюю организацию – и я о ней, представь, ничего не знаю. Что они не местные – точно, это не укалаевская самодеятельность, и называются довольно странно: «*Рунал интернэшнэл*» – не местный продукт, сразу видно. Что значит «Рунал»? Я не догадываюсь, откуда ноги растут.

КОРЕНЕВ – Смешно ты, Федор, произносишь – *интернэшнэл*. По-аглички как заговорил... Я бы тебе советовал – аккуратнее с выражениями, сейчас остряков развелось без оглядки на начальство. Ты же в Укалаеве – начальство пришлое, чужеродное, самая что ни на есть мишень для насмешек. А в России так бывает, что осмеять гораздо вернее, чем убить. К слову сказать...

ФЕДОРОВ – Да кто ж виноват, что в ход пошли все иностранные словеса – такие названия напридумывают, что не выговорить. Почем я знаю – чи интенешэнэл, чи нет... И смешного не вижу!

КОРЕНЕВ – Тебе придется подсуетиться, чтобы досконально выяснить. Если будут трудности – обращайся напрямую к Краулину. Это не тот вопрос, где нужно соблюдать политес, он сам тебе не простит...

ФЕДОРОВ – Ну, понятно... А про наше дело – то пока одни пустяки, Виктор, яйца выеденного не стоят. Призывают продать акции, обещают высокие цены – ясно ведь, что лохов ищут.

КОРЕНЕВ – Цены взвинчивать нам ни к чему. Ладно, про твой Рунал тебе лучше знать. У меня сейчас другая проблема в голове – выборы. Сам крутись.

ФЕДОРОВ – Между прочим, когда мы решили разнюхать кое-что, обратились за сведениями в городскую газету – туда, где вышли объявления. Светозара – самая популярная газета здесь – знали, куда объявление давать, стервецы! – так вот, мы запросили информацию у редактора – у Игоря Бикташева...

КОРЕНЕВ – Ты его не выносишь. Игорь Бикташев, молодой да ранний, не без способностей – учился в Красноустане, приехал по распределению, года четыре уже живет в заводском общежитии, так и не женился, но карьера у него идет хорошо – уже редактор, говоришь? И еще работает на своем канале – на Светозара.

ФЕДОРОВ – Говорю! Обратились мы к нему – так, мол, и так, заводу небезразлично знать, кто собирается покупать его акции и для какой цели – и твой талантливый редактор отвечал не слишком приветливо... Виктор, что это всякие журналюги в твоём городе беспардонно себя ведут?

КОРЕНЕВ – Может, он только с тобой... Ты еще с ним повздорил! Федор, у нас вы-бо-ры! Я устал тебе повторять – поласковой сейчас нужно... Но что ты сказал – сути дела не меняет... С журналистом вопрос урегулируем – мальчик слишком возомнил о себе – демократия, четвертая власть и прочее... Слушай, смешно – демократия в Укалаеве! да здесь из крепостного права прямиком в коммунизм перепрыгнули! Ничего, мы малость утихомирим наших говорунов, а то распустили языки... Журналист тебе не сообщил, кто дал объявления в его газету?

ФЕДОРОВ – Ах, нет! И вел себя, будто к нему просто с улицы пришли и предложили неприличные вещи.

КОРЕНЕВ – Федор, ты бесишься, что твоя дочка его выбрала... Ладно, исправим-то есть, не Ленкины амуры... Насчет же нашего дела: долго держать в тайне не удастся, и скоро мы все узнаем. Окажется местной инициативой – кто-то из наших же друзей решил урвать кусочек. Краулин не обрадуется, и я не позавидую этому пройдохе – ведь все в одной лодке сидим, и выплывем только вместе, однако находятся желающие урвать. Люди неисправимы!

ФЕДОРОВ – Все будет в порядке, ты не волнуйся, Виктор, лучше отдохни, как следует. Послушай меня, выходные проводи в семье, пусть жена за тобой поухаживает. Нина Раисовна – баба умная, она тебя отмягчит, согреет, в норму приведет, а то ты вон какой дерганый – опух, глаза красные, рот кривой. Ты когда в последний раз высыпался?

КОРЕНЕВ – Оставь, до того ли?

ФЕДОРОВ – Вот, вот, на работе нервы треплют, да еще эта погода в Укалаеве – как будто нарочно нас испытывают. И прежде всего эти грозы – чуть ли не через день, дождищи выливается, затем испарения – дышать невозможно... Чья голова выдержит эдакие перепады? Скажу тебе, что похожего лета я не вспомню на Урале.

КОРЕНЕВ – Ужасно, жена сама на таблетках, и меня пичкает – я даже не смотрю, что она мне сует...

Федоров – А то давай махнем с ружьишком на охоту в Ялковский лес – туда по Лешинской дороге от Усневки, в чащу углубимся. Подышим свежим воздухом вместо заводской

грязи – прочистишь легкие, подправишь нервишки... Мне тут уже звонили из леспромхоза, сообщили, что вернулся наш прежний проводник, укалай – паренек со смешным имечком Лешик... Все приготовлено в лучшем виде, приглашали приехать...

КОРЕНЕВ – М-м-м...

ФЕДОРОВ – И не думай ни о чем, сделай милость... Перестань, Виктор! Да ты всех в Укалаеве построить можешь – да ты можешь, по большому счету, не пустить Седона в город, натравить на него местную прессу. Облей его грязью, утопи в грязи, чтобы никому мало не показалось, вытащи на свет его грешки – даже то, о чем он сам и думать забыл, и еще многое другое – и проблема решена, когда соперник отвратителен!

КОРЕНЕВ – Это вполне возможно. Но если рассудить по-другому? что если не привлекать специально внимания к приезду Седона – мало ли кто приезжает? – и так лучше получится. Люди не будут думать, говорить, сплетничать... Если же я проявлю активность и волнение, то отсюда следует, что я чего-то опасаюсь – и прежде всего, что приехавший Седон способен составить мне реальную конкуренцию. Ты понимаешь, что некоторых противников мы, как воздушные шары, надули сами, создали сами...

ФЕДОРОВ – Я понимаю твою логику: конечно, лучше, если будет спокойно, предсказуемо и без сюрпризов, преувеличивать значение персоны Седона нам же выйдет боком.

КОРЕНЕВ – Ты прав, ты прав.

ФЕДОРОВ – Я другое тебя хотел спросить, Виктор. Ну, что ты возишься с этим своим помощничком? референтом, прости, Господи, выдумают же название! опять английское! Чем полезным он у тебя занимается? Ты знаешь, о чем люди болтают? Что он чуть ли не каждый вечер по девкам шляется, по кабакам безобразничает. Хорошо еще связался с укалаевками – эти туземки всегда для общего употребления, иначе твоего Богданчика давно бы проучили – как говорится, что спускают в Красноустане... Самый никчемный человечиска твой Богдан!

КОРЕНЕВ – Федор, ты все упрощаешь – вернее, видишь только одну сторону медали. Уверяю, мальчик не так прост, как ты его характеризуешь – себе на уме, и он ловкий, смекалистый, скользкий, выворачивается из рук, многое подмечает. И даже высказывает иногда дельные вещи, надо лишь уметь отделять зерно от плевел. А так да, Богдан всегда много говорит и способен под своими словоизвержениями похоронить любую здравую мысль.

ФЕДОРОВ – Не одобряю я твоей снисходительности. Богдан болтает без толку, а потом, как он выглядит? Эти его пиджаки, рубахи вечно расстегнуты, рыжие патлы торчат во все стороны, и он не бреется, ходит обросший щетиной, ногти кусает без стеснения. Нас в молодости на службе сразу учили правилам – молодой парень должен быть выбрит, подтянут, в костюме и при галстукe, и держаться скромно и вежливо. А твой референт сидит и ногу на ногу закидывает, даже на стол взгромоздит на американский манер, локти расставит, что мимо не пройти – обязательно в него уткнешься; хохочет – да ржет просто! распоясался, и что угодно может сказать тебе в лицо. Нагло помощник ведет себя в присутствии начальника! Ты распустил людей!

КОРЕНЕВ – Не горячись. Современная молодежь не ангельская... Просто мы были даже умнее: мы слушали старших и на ус мотали, а Богдан больше говорит, и с опозданием думает. И он вполне безобиден – опасаться его не нужно.

ФЕДОРОВ – Кого опасаться?! Этого пустобреха! Я говорю, что тебе стоит опасаться из-за него! Что говорят о нем в Укалаеве? У тебя на носу выборы!

КОРЕНЕВ – А местные его тоже раскусили. И его, и его серебристое авто – он тут всем глаза намозолил. Воображает себя Дон Жуаном, думает, что шокирует здешнее провинциальное болото – да пусть себе!

ФЕДОРОВ – Для чего ты его держишь? Гони поганой метлой! Шут гороховый, тьфу!

КОРЕНЕВ – Не пори горячку, Федя, прогнать его я всегда успею. Подожди, давай проведем выборы – у меня такое чувство, что Богдан нам еще пригодится.

ФЕДОРОВ – Ну, ну, тебе видней. Я у себя на заводе подобных людишек не терплю – убираю сразу. Вот недавно выгнал за забор молодого умника, тоже много о себе воображал. И знаешь – оказался Седоновским сторонником! затихарился, гаденыш – про него думать забыли, а он в бухгалтерии сидел, в бумажках рылся и на новых компьютерах программки устанавливал... Людишкам верить нельзя – продадут за копейку. И тот слишком умный, в очочках – теперь пусть умничает за забором. Мой же разговор короткий, у меня любимчиков нет. Это прежний Седон своих выкормышей всюду продвигал, расплодил целый выводок.

КОРЕНЕВ – Слышал я, слышал. На тебя жалуются. И не смотри на меня так – я тоже жалобщиков не люблю, будь спокоен... Вот и ты лучше не жалуйся мне на Богдана, когда надо – уберу. Пока пусть резвится....

ФЕДОРОВ – Все будет чин чинарем, ты не волнуйся, Виктор, лучше отдохни хотя бы выходные.

КОРЕНЕВ – Я приглашал краулинского зятя – Виталия Микушина, но он, очевидно, отыщет через Богдана занятия поинтересней.

ФЕДОРОВ – Знаем мы его занятия. Уже сейчас, наверное, на полпути к укалаевскому парку – шпарят без оглядки.

КОРЕНЕВ – И пусть, дело молодое, задорное. Ты себя в прежние годы не помнишь, как по девкам бегал? А ты еще тот ходок был. Постарел, уgomонился, Екатерина Николаевна у тебя и умница – разумница, и красавица, но ты ведь выбирал, Федя, долго выбирал... Мы с тобой не юнцы, нам лишь позавидовать тому же Богдану.

ФЕДОРОВ – Чего балаболу завидовать? Рано ты нас в старики записываешь – мы еще повоюем!

КОРЕНЕВ – Значит, не уgomонился ты. Ну ты, ходок, вспомни поговорку – от добра добра не ищут.

ФЕДОРОВ – Это здесь при чем?

КОРЕНЕВ – Да при том же! Ты – директор завода, в Укалаеве на виду, и семья твоя тоже... Я тебе друг, и хочу просто предупредить – уже зашуршали шепотки по углам. Местным только дай повод! Ты когда по вечерам на работе задерживаешься, вспомни – и у стен есть уши!

ФЕДОРОВ – Виктор, ты че несешь?

КОРЕНЕВ – Хорошо, если ерунда это. Разве при эдакой жене можно польститься на какую-то рыжую шлюху!

ФЕДОРОВ – Враки все! Лишь бы меня очернить.

КОРЕНЕВ – Передо мной не нужно оправдываться. Однако поступай разумно, с оглядкой на собственное положение – тебе есть что терять.

ФЕДОРОВ – Я тебе повторяю – клевета, наветы! Это же надо, у себя на работе, в своих же стенах, нельзя избавиться от липких взглядов, кривых усмешек. Окопались, сволочи – видите ли, они тут пуп земли! – ничего, одного Седоновского ставленника я уже выгнал взашей; придет срок – выгоню и всю кодлу Межуя.

КОРЕНЕВ – Осторожно делать нужно, и не подставляться. Еще раз – я тебя предупредил. Хватит об этом... Сейчас приглашаю – жена звонила, спрашивала, до какого часа мы в кабинете высидим, и еще сказала, что стол накрыла, и все, что к столу полагается – короче, ждет. Выпить и закусить в доме найдется. Ты предпочитаешь коньяк? – у меня есть хороший, из Красноустана по случаю прислали – иностранный какой-то и дорогуший черт! Поедем ко мне? Не отказывайся, право – наступают горячие денечки – когда еще так удастся отдохнуть. Отдохнем, покалякаем.

ФЕДОРОВ – Ты меня соблазняешь.

КОРЕНЕВ – Да чего там! Поехали! Когда ты у меня гостил в последний раз? Уже и сам не помнишь. Забыл, наверное, где я живу – признавайся!

ФЕДОРОВ – Время летит, что даже страшно становится. Дочка-то, небось, выросла, заневестилась?

КОРЕНЕВ – Типун тебе на язык. Моя Лизель в этом году только школу кончает, экзамены и выпускной скоро.

ФЕДОРОВ – А вот это сейчас не помеха – молодежь нынче смелая и скорая. От кавалеров, наверное, отбоя нет? Дочь – красавица, и при таком папашинном приданом, да в Укалаеве...

КОРЕНЕВ – О чем ты? Девочка она умненькая, в меня пошла – понимает, что ей в институт надо идти, про разные глупости не думать и не мечтать... Есть тут у нее один мальчик – одноклассник, отличник, зовут Дима, провожает ее из школы, сумку носит и изредка звонит – всегда вежливый и тихий, скромненький – здравствуйте, добрый день, а позовите, пожалуйста, Лизу к телефону... Не скайся, все у них прилично – только симпатия.

ФЕДОРОВ – Ну, ну! С симпатии начинают, а заканчивают все там же – под одеялом.

КОРЕНЕВ – Вздор несешь, слушать не буду!

ФЕДОРОВ – И ладно, не слушай. А лучше нет – раскрой уши-то, старый дурень. Мы с женой Екатериной Николаевной тоже в свое время дочери внушали, что сначала надо образование получить, ума-разума набраться, жить попробовать, а потом замуж выскакивать, не за кого попало и с кем однажды утром проснулась – с этим всегда успеется. И радовались, что хоть Ленка и колобродила и нам нервы изрядно потрепала, а никакого молодого мерзавца в семью не привела, тем более в подоле не принесла без мужа – считали, что пусть хоть так... Однако посмотри: ей уже к тридцати, своих лучших лет достигла и все в девках сидит, теперь мы с женой говорим иначе: любого возьми, лишь бы в штанах был и внуков нам произвел – но любой ей теперь самой не нужен, провыбиралась... Но Ленкина институтская симпатия – журналист Игорь – нам не нравится... И не ведаешь, что лучше, а для женщины необходима семья, муж, ребенок – если взрослая дочь пристроена, и родителям спокойней. Ты меня поймешь, Виктор, лет через десять, если будешь свою строгую линию вести. Все дети – эгоисты, о родителях вспоминают, когда нужда возникнет. Например, моя Ленка на днях должна приехать в гости – звонила и обещалась быть...

КОРЕНЕВ – На что тебе-то жаловаться, хитрец – слава Богу, ты не нищий, и еще столько лет детям помогать будешь, не обеднеешь. Куда тебе деньги тратить, как не на сына и дочь! И у Елены твоей все образуется, еще на свадьбу позовешь да на крестины...

ФЕДОРОВ – М-да, Юрий Семенович, наверняка, так же рассуждал, когда выбирал зятя – дескать, любой гош, лишь бы не Седон. Вот Микушин под руку и подвернулся...

КОРЕНЕВ – Вообрази, как Краулин воспринял известие о приезде Седона?

ФЕДОРОВ – Ужасно!.. Это только на словах прошлое быльем поросло. Его дочь Жанна после истории с Седоном чуть головой не повредила – умел мерзавец девчонку заморочить в восемнадцать-то лет! Очень она в него влюбилась, история на моих глазах происходила – моя Ленка и Жанна после школы дружили. Краулинская дочка наревелась и настрадалась тогда, родители ей больше потакать стали – ну, не Юрий Семенович, а мать, понятно – все на свете для дочери. И вот Жанна ко всему привыкла, стала резкой, раздражительной...

КОРЕНЕВ – И какая она после этого жена?

ФЕДОРОВ – Жанна перебесилась и за ум взялась. С мужем ее, Микушиным, ты сам сегодня разговаривал.

КОРЕНЕВ – И ничего определенного заключить не могу – скрытный парень, и себе на уме тоже, прямо в глаза не смотрит, говорит тихо – вроде неглупые вещи, но говорить-то мы все горазды. Наверное, вышел из кабинета и немедленно побежал докладывать Краулину – зачем же он его еще прислал? Для серьезного дела он своего зятя мало знает – дочкиной семье года нет, Микушин пока на птичьих правах... Хотя возможно, что Жанна не даст мужа в обиду – из себя видный, молодой, красивый, что девчонкам еще надо...

ФЕДОРОВ – Уж конечно, Жанна на урода или плюгавого какого не клюнет. Вот увидишь, у парня все сладится в жизни – тесть позаботится протолкнуть наверх, пристроить, научить – как ни крути, а дочь у него одна.

КОРЕНЕВ – Парень выгодную жену выбрал, рассчитал.

ФЕДОРОВ – Ну, Краулина не больно сосчитаешь – голова...

КОРЕНЕВ – И это верно.

1.3

Приемная главы администрации.

– секретарша мэра Вероника Косцова

– референт мэра Богдан Тенишев

– эмиссар из области Микушин Виталий Антонович.

БОГДАН – Вы впервые у нас в гостях, Виталий Антонович? Как там дела в Красноустане? Чем сейчас дышит областная столица? Как наши общие знакомые? Про вас и Жанну я уже слышал – примите поздравления. Мы с Жаночкой знаем со школы, сидели, правда, на разных партах, но каюсь, портфель ее я потаскал в розовое романтическое времечко... Общались в годы учебы в универе. Я вам по-хорошему завидую. Ведь Жанна считалась первой красавицей на курсе – еще если вспомнить про папино положение в области, то конкуренток в УсГУ в нее не было. Вам сказочно повезло, приятель... Жанна не пригласила меня на свадьбу – но кто я для нее? еще один обожатель... Вы умный человек, Микушин, не успели войти в семью Краулиных, а уже Юрий Семенович направляет вас своим представителем в Укалаев – наверное, доверяет вам всецело. Разумеется не ради ваших красивых глаз или родственных связей – Краулин понимает, что вперед деловые качества... Нынешние укалаевские выборы для него небезразличны – результат продемонстрирует его меру влияния – не только в Укалаеве, хотя и здесь найдутся лакомые кусочки... Безусловно, вы свежим взглядом разглядите наши слабые места и посодействуете – ведь мы в одной команде.

МИКУШИН – Вы, Богдан... Осипович...

БОГДАН – Можете просто Богдан – к чему церемонии, лучше по-простому. У нас здесь, чем проще, тем лучше...

МИКУШИН – Да, я заметил. Сейчас вы просто хорошо провели время – на совещании вы развлекались без задних мыслей. А ведь вопрос серьезный...

БОГДАН – Мы все очень серьезны. Вы видели, как серьезен мэр – и его можно понять – он-то рассчитывал на легкие выборы, просто чистую формальность, а вы безжалостно разбили его простые иллюзии. И вообще, не понимаю – просто не понимаю! – за каким чертом вы его пугали этим мифическим Седоном? Что за идея портить человеку настроение всякими выдумками, допущениями, вероятностями? Коренева переизберут на новый срок – и это также очевидно и просто.

МИКУШИН – Вы, Богдан, не колеблетесь ни на секунду. Так ли уж переизберут?

БОГДАН – Переизберут, переизберут. Все так считают – и Краулин в том числе.

МИКУШИН – Ну, если бы он был так уверен, то не прислал бы своего, как вы выражаетесь, эмиссара – у меня же инструкции всячески помогать вам.

БОГДАН – Если бы он не верил, тем более не послал бы вас. Согласитесь, вы человек новый – первый раз приезжаете в Укалаев. Да вы и в Красноустане новичок – вы не знаете, вы абсолютно не в курсе сложностей там и здесь. Вас прислали оглядеться, составить свежее впечатление и сообщить его наверх – то есть вашему тестю. Вот и сообщите, что здесь все под контролем. Вы будете удовлетворены своими успехами, а Краулин спокойно вас выслушает, останется вами доволен, похвалит перед дочерью, а потом спокойно будет спать, потому что уверен в результатах укалаевских выборов. Видите, как просто...

МИКУШИН – Богдан – кстати, можете и меня называть просто по имени – действительно, лучше по-простому... Когда вы все это говорите, и как вы ведете себя на совещании – создается впечатление, что вы как бы отстраняетесь... не заинтересованы что ли...

БОГДАН – А еще проще?

МИКУШИН – Что вы просто развлекаетесь над всем этим.

БОГДАН – Ну, вот еще!

МИКУШИН – Чем же вы здесь, вообще, занимаетесь, Богдан? Ведь вы в Укалаеве уже два года, если не ошибаюсь?

БОГДАН – Рассказали сплетники в Устане? И не только это рассказали, но и всю подноготную выложили?.. Нет, правильно, целых два года. Я закончил универ, затем долго не находил приложения своим скромным способностям, поболтался по разным местам, пригляделся к разным людям – нет, устроиться можно было без проблем, встречались подходящие варианты, но как-то все... При случае Коренев пригласил меня сюда, пообещал интересную работу. Некоторые из своих обещаний он выполнил.

МИКУШИН – Например?

БОГДАН – Ну, по большому счету, я освобожден от ежедневной текучки, от всей рутины – вы ведь представляете себе провинцию, настоящая дыра... Вопреки первому впечатлению, Коренев не относится к эдаким старорежимным совковым начальникам, про которых народ говорит: отец родной... Нет, Виктор Васильевич вполне современен, он не считает, что все должны перед ним по струночке тянуться и в рот заглядывать. Вот его приятель Федоров из искренних самодуров, не слишком задумывается, всегда всех строит и говорит, что думает – неважно, думает ли вообще... А наш милейший Виктор Васильевич не без ума – решает большинство вопросов полюбовно, по пустякам не скатывается к военным действиям. Мы здесь сугубо мирные люди, довольные собой и начальством – чего еще желать в Укалаеве?

МИКУШИН – Да у вас просто идиллия сложилась.

БОГДАН – Слишком тихий, благополучный курятник – легкая добыча для лисы, хотите сказать? Или не хотите?.. Черт его знает! Вообще, повторюсь, Коренев далеко не дурак, – честно сказать, если бы к нынешним временам он был бы моложе, то имел бы больше шансов...

МИКУШИН – Шансов для чего?

БОГДАН – Шансов выправиться в нормального человека! Но года уже не те – давит груз на плечи, и еще приятели вроде Федорова – это тупик, глухо... Сегодня вы сами все слышали. Да, вы недалеко от истины – в большинстве случаев в городе можно умереть со скуки. И беседы с нашим уважаемым главой и местными чиновниками – так сказать, сливками общества – удручают, контингент соответствующий. Я даже после наших обсуждений призадумался, грешным делом, что знаменитый скандал в бане, из-за которого поперли предшественника шефа, в условиях укалаевского стоячего болота был гордым поступком – честное слово, мне Седон интересен...

МИКУШИН – А вы бросьте кокетничать. Для вашего шефа это сейчас не предмет для шуток!

БОГДАН – Вы о выборах? Да перестаньте! Кореневу ничего не угрожает – выберут его, как миленького, никуда не денутся... В провинции любят порядок и начальство прямо до самобичевания, до трепетного восторга в груди, протестный кандидат, чужак здесь не прокатит.

МИКУШИН – Ого! Вы имеете слабость выражаться парадоксально, Богдан. Но у меня создалось впечатление, что вас тоже многое по службе устраивает.

БОГДАН – Да, я не революционер, каюсь, грудью на баррикады не пойду – и это не входило в условия моего контракта с самого начала. Люблю комфорт.

МИКУШИН – И шеф никого не обижает в вашем курятнике?

БОГДАН – Говорю же, он здравомыслящий человек – лозунги аскетизма и подвижничества во имя общественного блага, слава Богу, вышли из моды. И необходимые условия мы заранее согласовали – никто не может обойтись без минимума удобств. А вы еще на собственном опыте семейного союза с Жанной убедитесь, что понятие минимума весьма растяжимое, причем, в обе стороны. Например, живя здесь на протяжении двух лет, я значительно пересмотрел свои взгляды на многое – когда собственными глазами наблюдаешь, как далеки от людей элементарные предметы современной цивилизации... Хотя укалаевское начальство, мой шеф

в том числе, считает эту удаленность благом, и их убеждение повлияло даже на меня... Дорогой мой, бытие определяет сознание – а как здесь живут люди в массе своей... Вообще, это дыра – вы видели укалаевские улицы с заборами и огородами, с собаками, колодцами и прочими удобствами во дворе, как одеваются жители, особенно женщины – в платки и ужасные татарские расцветки, как ведут себя... Здесь живут словно при царе Горохе – по крайней мере, психология у людей похожая; очень сильны патриархальные традиции – этого не моги, туда не ходи, не трогай; старое общество никого к себе на Межуй не пускает... Межуйцы очень прижимисты и неприветливы, и чужаками называют всех, кроме себя – даже тех, кто родился и вырос в Укалаеве. Насколько мне известно, в город после войны понаехали со всего Союза, так что число старожилов практически сравнялось с чужаками. А нам с шефом, как вы понимаете, это обстоятельство выгодно – это наш электорат, жители Комсомольского района, народ проще, веселей, восприимчивей... Закоснелый Укалаев живет сам по себе, у нас разрешения не спрашивает – там мы нечастные гости!

МИКУШИН – То есть, вы захватили вершину и считаете, что можете рассчитывать на все трофеи вокруг – надеетесь, что победите...

БОГДАН – Берите выше – мы уверены, что победим – и меньше чем через месяц мы с вами отметим нашу победу! Ведь вы с нами?

МИКУШИН – Богдан, вы... Хорошо, успокойтесь, свою арию вы исполнили на подъеме, будет о чем в область докладывать... Но ведь мы здесь одни, зачем столько пафоса? Переигрываете... Интересный вы тип – не поймешь, когда вы говорите серьезно. А помимо железобетонного чувства уверенности что-то же приносит вам удовлетворение в этом захолустье? Честно, не знаю, что вас здесь удерживает... Карьеру в Укалаеве вы не делаете – да и не стремитесь к тому... Вы могли бы преуспеть в Красноустане – могли бы, не отрицайте. В другом случае вы могли бы выступать в роли областного эmissара и развлекаться на здешний счет, но вместо этого вы встречаете меня и развлекаете меня – в чем ваш интерес?

БОГДАН – Ну-у... поймали. Что, ждете от меня в ответ откровений? Ха-ха!

МИКУШИН – Ну, я не настолько наивен – хотя именно таким дурачком вы меня и считаете – да, да, я вас слушал внимательно у Коренева. Открою вам часть истины – очень может быть, что Краулин придумал для меня занятие с командировкой в Укалаев, а тогда вы зря только что распинались – и развлекались... И тем не менее, я всегда привык ко всему относиться серьезно, и мне не понравились ваши шуточки вкупе с действительно серьезными вещами... Прежде всего – кто такой этот Седон? Может мне кто-нибудь ответить на вопрос?

БОГДАН – Так вы не знаете, правда?

МИКУШИН – Не представляю!

БОГДАН – Ладно, я вас введу в курс дела, ради которого вы оставили молодую жену, любимого тестя и отправились в нашу Тмутаракань. Как говорится, труба зовет, а начинающим карьеристам противопоказано засыпать в своих постелях... Виталик, я в хорошем смысле.

МИКУШИН – Давайте дальше, скоморох!

БОГДАН – Сию минуту. Определюсь с начала – я не располагаю полной информацией...

МИКУШИН – Да кто бы поверил!

БОГДАН – Ладно, ладно... Виталик, вы многократно упоминали здесь Седона – и здесь, и в кабинете у мэра – для большего эффекта, очевидно... Вот вам пища для размышлений, насколько все серьезно – или же нет. И речь у нас пойдет о Валерии Михайловиче Седоне, человеке интересном, не без талантов, наследнике весьма уважаемого укалаевского семейства – разумеется, я пересказываю с чужих слов. До появления моего патрона Виктора Васильевича Коренева онный Седон пребывал здесь в качестве укалаевского градоначальника – то бишь, председателя горисполкома. Как же давно это было – было да сплыло!.. Это была земля Седона – сидел он здесь крепко. Город по масштабам второй или третий в области – в лучшие времена считали за сто тысяч населения; формально Укалаев всегда подчинялся Красноустану,

а на деле Укалаевский металлургический завод имел союзное подчинение, и многие вопросы в СССР решались через голову Красноустана, в московских кабинетах, что Укалаев привык смотреть на область отстраненно. Еще имела историческая почва для своеобразного соперничества – вечный спор, который из городов старше. Хозяином в Укалаеве всегда считался не официальный градоначальник – и даже не партийный секретарь, хотя формальная советская иерархия здесь существовала. Главным властным лицом в Укалаеве еще с довоенного периода был директор УМЗ – а его опять-таки назначали в Москве, мнения Красноустана не спрашивали. И Юрия Семеновича Краулина это обстоятельство раньше весьма огорчало. Вдобавок к таким административным подробностям всегда прибавлялась подробность географическая, у нас на Урале вовсе не удивительная – расстояния, Виталик, большие расстояния – Укалаев на самом севере области, в медвежьем углу, дальше леса кругом, дикие места – география способствует изоляции и определенной психологии. Короче, для области – и для Юрия Семеновича – Укалаев всегда был шкатулкой с секретом, но вот ключик подобрать удалось только при Валерии Михайловиче Седоне, о котором мы беседуем. В детали меня не посвящали, в Укалаеве почему-то не любят вспоминать ту историю – но будто бы уже на излете советской эпохи зрелый красавчик Седон подставился по аморалке. С точки зрения нас – людей современных – это ж надо постараться, чтобы при всеобщем разброде и шатании лишиться своего поста по такому сомнительному поводу! Я не могу поверить, что за подобные вещи тогда снимали! Однако же сняли без всякой жалости – опять повторюсь, что с нашей точки зрения, удивительно. А с другой точки зрения посмотреть? еще удивительней! В Укалаевском патриархальном царстве, где при тогдашней-то продвинутой металлургии городское ядро истари составляли и составляют потомки крепостных, раскольников и беглых варнаков, где доньне замужние бабы простоволосыми не ходят, а за девичий грех ворота дерьмом мажут, где против общей поруки не пойдешь – и где вот такая неприличная вещь приключилась! Я полагаю, Виталик, ты не ханжа и согласен со мной – хорошо, что мы с тобой не застали время, когда за подобные фrivольности могли на тебя всех собак навешать. Нам с тобой повезло, а вот Седону нет – ему выдали по первое число. Твой тесть и выдал! Очень ловко тогда Юрий Семенович свой интерес продвинул – Седона с позором выгнали, в освободившееся кресло сел Коренев и до сих пор там сидит. Только я думаю – грязная история вышла, как представишь ее подробности – публичное полоскание чужого белья, обсуждение морального облика члена партии, общественное возмущение и прочее, прочее – противно становится...

МИКУШИН – Да то дело прошлое, к чему ворошить...

БОГДАН – Я соглашусь, много воды утекло, Седона в Укалаеве позабыли – а если вспоминают, то лишь в анекдотах. Вот поэтому мне не верится, что человек по доброй воле решится вновь испытать все это – ведь если он приедет, давнюю историю опять извлекут на свет – какое унижение! Он же не мазохист, этот Седон??

МИКУШИН – Он такой же мой, как и ваш, Богдан. И из вашей истории следует, что уж Седон точно не испытывает благодарных чувств за то, как с ним здесь поступили.

БОГДАН – Мне плевать, что он там испытывает! Если ввяжется в драку – получит по соплям. Кореневская команда, может, многое не умеет, не знает современных методов, отстала от жизни, но уже одно точно сделает с успехом – она его утопит в дерьме, да! И мне Седона даже жалко – мечтатель! Он что, собрался справедливость восстанавливать? Смехота! Думает, развернет свои знамена, и все с плачем кинутся ему в объятия? Если так думает, тем хуже для него. Поймите, Седон здесь никому не нужен.

МИКУШИН – Но он же не идиот. Зачем-то он в Укалаев действительно едет?

БОГДАН – А вот я сомневаюсь – может, пустые слухи? Предвыборная компания в Укалаеве даже не начиналась – люди не знают, с чем это едят – выборы на альтернативной основе. У нас скучно, заранее известен результат.

МИКУШИН – Что у вас здесь все уже известно, определено, просто. Наверное, не стоило мне сюда ехать, дела у вас обстоят блестяще, можно заранее победные рапорты писать.

БОГДАН – Не надо досадовать – взгляните на ситуацию под другим ракурсом. Ваша карьера только начинается, и весьма полезно, чтобы первые шаги все-таки имели отношение к успеху. Вам Юрий Семенович Краулин то же скажет, когда вернетесь. Виталик, не хмурьтесь, в этот раз вам не придется совершать подвиги – позвольте событиям развиваться в том определенном направлении, которое всем нам выгодно, делов-то! А пока предлагаю не испытывать судьбу, а с пользой и удовольствием провести подаренное время.

МИКУШИН – Что вы конкретно предлагаете, Богдан? Первое впечатление об Укалаеве я уже составил – простите, но это большая деревня, приличных мест тут нет, время провести негде. Я уже было подумал, что с вечера придется сидеть в гостинице и пялиться в телевизор. Слава богу, что гостиница – у нее странное название – *Катеринка*, кажется – еще приличное заведение, простыни меняют перед заселением каждого гостя, номера убирают. Я даже не ожидал, что соберется столько клиентов, почти вместе со мной заселялась шумная компания из Устана – журналисты, телевизионщики, эдакие фигуристые златовласки среди них; даже московский акающий говорок в коридоре услышал. Заняты почти все номера.

БОГДАН – Грех жаловаться. Гостиница раньше была заводской, теперь в частных руках, это ее и спасло; собственно городские структуры деградируют по банальной причине – нет денег... Виталий, не выставляйте строгие требования, и кое-что подходящее для сегодняшнего вечера найдется. Правда, правда!

МИКУШИН – Например? У вас здесь свет отключают после десяти, жители собак спускают и двери на засов – наверное, и охотничьих ружей в округе немало. А уж про здешние патриархальные нравы вы сами говорили...

БОГДАН – Кто ищет – тот найдет. Себе на голову. Вот вы не поверите, но в Укалаеве имеется настоящий ресторан – приличный даже по устанским меркам, принадлежит частникам – семейке Мицкисов, есть такие укалаевские коммерческие гении. У тех Мицкисов свое немалое хозяйство и ферма, держат коров, лошадей, торгуют продуктами под маркой *Усневье*; еще ресторан у них открыт в Укалаеве – все как положено – белые скатерти, зеркала, приличная карта вин, своя оригинальная кухня. Картофельные шаньги, перепечи с разными начинками, уральские пельмени вы нигде больше не попробуете. Официантов вышколили, приучили ногти чистить и, по возможности, выказывать клиентам приветливость – ну, с последним качеством пока напряг, старожилы всегда славились суровым нравом, а в последний раз я заметил неприятного типа вообще без ногтей... Командует официантами и гостей встречает очаровательная и острая на язычок темноглазка – Катенька Пилева – не советую расшаркиваться перед ней, у Катеньки здоровенный жених Василий... Продукты используются местные, свежие, даже для столичных гурманов рай. И что приятно – порядки там демократичные, держиморд на входе нет, пропускают всех – хоть ты кирзовых сапогах и телогрейке, хоть в малиновом пиджаке и с золотой цепью, хоть в платке или норковой шубе. Всех примут вежливо, обслужат одинаково любой заказ – будь то стакан воды, кофе с пирожным или биточки в сметанном соусе – тут ни к чему не придраться. Единственное условие – тишина, никаких разборок, никаких крутых распальцовок – официанты у Мицкисов ребятки крепкие, мигом на улицу выставят... Называется ресторан Екатерина, но все говорят проще – *Катеринка* – прилепилось имечко, кто хоть раз услышит, не забудет. Пойдем, Виталик, не пожалеешь – даже пьяного шансона не услышишь, там поет живую одна девочка – ну про это не расскажешь – это слушать надо. Олечка Серостанова – так ее зовут, и первое правило в Катеринке – кто эту певунью затронет хоть словом, хоть взглядом, а уж тем более грязные лапы свои протянет – тот больше в ресторан ни ногой отныне и до скончания веков. Интересно, да?

МИКУШИН – Пожалуй, ты меня заинтриговал, Богдан

БОГДАН – И ладненько. Но ты же понимаешь – не плохо бы разбавить нашу сугубо мужскую компанию...

МИКУШИН – Ах, это... Навряд ли мы найдем дам в здешней округе – правильно?

БОГДАН – Ну, дам- не дам... Лучше, конечно, дам, извини за каламбур... Виталик, не корчи из себя ханжу – Виктор Васильевич Коренев тебя все равно не услышит и тестю твоему не расскажет... Могу предложить один экзотический вариант – только, пожалуйста, без морали. Есть у меня на примете девушки – ты понимаешь...

МИКУШИН – Как бы ты меня не упрекал, Богдан, я не ханжа. Ты говоришь о...

БОГДАН – И да, и нет. Укалаевские девушки – это девушки особого рода. Туземки, да! – язык не поворачивается назвать их одним простым и понятным словом – наверное, потому, что все не так просто. Посмотрим, как ты отнесешься. Сразу пойми меня, пожалуйста – туземки не составят конкуренцию нашим знакомым девушкам в областном центре – да они сами животы надорвут, если ты начнешь их сравнивать... Девчонки дикие, необразованные, ничего в своей примитивной жизни не видели, кроме родной укалаевской дыры, огорода да завода, местных танцулек, пьяных парней да драк все по той же причине повального пьянства... А впрочем, у любой монеты две стороны: если не встретишь здесь особенно изысканных манер, но и с обыкновенными женскими штучками ты тоже не столкнешься: не принято устраивать этих кривляний, истерик и слез, все будет гораздо проще и честнее с самого начала. Укалаевки выражаются грубым, вульгарным языком, но они называют вещи своими именами, для обманных ухищрений местным не хватает элементарной культуры, прости уж опять за выражение...

МИКУШИН – Ты предлагаешь мне развлекаться с дикарками? Да в уме ли ты, Богдан, что в том привлекательного? У меня цивилизованные привычки и представления о женской красоте.

БОГДАН – И совершенно напрасно. Напрасно ты цепляешься за свои стереотипы. Про собственный идеал женской красоты размышляй в Красноустане – там симпатичных девушек по улицам ходит масса, и их даже при желании сложно отличить друг от друга – все на одно лица, накрашены и одеты одинаково. Здесь, в Укалаеве постарайся расслабиться и забыться – тем большее удовольствие получишь, не ты один через такие вещи проходил. Здешные укалаевки хорошо известны – случается, что сюда приезжают ради подобных впечатлений. А ты такой правильный, Виталик, что упустишь шанс? Поверь, в жизни человека властвуют будни, и даже самую красивую женщину со временем портит не старость – для того она не успеет состариться – а именно обыденность

МИКУШИН – Ты слишком много говоришь

БОГДАН – Но я тебя убедил?

МИКУШИН – Посмотрим, посмотрим...

БОГДАН – Так поехали вечером в городской парк смотреть!

ВЕРОНИКА – Извините. Виктор Васильевич спрашивал – нужна ли вам машина до гостиницы? Не нужна? Он вас уже уболтал?

БОГДАН – А это наша красавица Вероника, верная сотрудница главы администрации, блюдет его интересы неусыпно – мы все ему здесь преданы, что даже ревнуем друг к другу... Если у тебя, Виталик, будут трудности, то Вероника творит чудеса... Но осторожно! не впадай в банальности перед эдакой красотой, не то Вероника заморозит одним взглядом – уже случалось... Верунчик, как вы намерены провести сегодняшний вечер?... Ах, наверное, вам придется поскучать одной. За важными делами шеф забыл про вас, какое непростительное невнимание! Но если мы можем со своей стороны вам предложить...

ВЕРОНИКА – Оставьте свои предложения при себе, я не отношусь к той категории женщин, которую вы только что обсуждали.

БОГДАН – Вы обиделись? Право, не стоит. И нечего особенного мы не говорили. Верочка, вам не семьдесят лет, не притворяйтесь...

ВЕРОНИКА – Виктору Васильевичу будет все доложено – как вы говорили, и куда вы собираетесь...

БОГДАН – Верочка, вы прелесть! и губки успеваете подкрасить, и докладывать, кому следует – это у вас семейное. Виталик, предупреждаю – брат у Вероники работает в милиции, и положение, как говорится, обязывает... Тогда, Верунчик, посоветуете, куда нам лучше пойти – господин Микушин здесь человек новый, никого не знает, посодействуйте нам. Итак, куда?

ВЕРОНИКА – Туда, куда вы и направлялись! То есть, к черту!

БОГДАН – Спасибо, мы, конечно, скажем Виктору Васильевичу, что последовали вашему совету. Начнем же мы, надо думать, с заведения Мицкисов – не слишком я упаду в ваших прекрасных глазах? Вероника, вам говорили, *«что твои, голуба, очи потемнее стали ночи, ну а губы твои сладки, как малина прямо с грядки»*? Признайтесь, говорили... Честное слово, это еще бледные сравнения... Оревуар, дорогая, о вас мы будем думать весь вечер!..

1.4

Площадь перед администрацией Укалаева.

На крыльце торгового центра Кристалл

– Аня Кутуева

– Маринка Полетаева

АНЯ – Всегда одно и то же. Стоит тебя послушать, и сразу деньги на ветер. Скажи, зачем я это купила? Очередная подделка, пусть запах приятный, но не стойкий. А все ты! увидела надпись *made in paris*, так в голове у тебя помутилось. Станут к нам в Укалаев из Парижа духи привозить! Зато теперь пустой кошелек и неизвестно еще, когда зарплату на заводе дадут. Я слышала, что никогда!

МАРИНКА – Кутусь, вечно ты крохоборничаешь. Подумаешь, корову проиграла – купила флакончик туалетной воды. Не сумасшедшие это деньги, а приятно, согласись.

АНЯ – Приятней некуда. Без парижского флакона я обойдусь. Тем более, что у меня в лаборатории химикаты какой хочешь аромат отобьют – и все равно пахнуть будет химией – мне кажется, что у меня даже стельки у туфель этим пропахли... И чего я не понимаю – тебе эта туалетка еще больше к месту будет – в литейном цехе в робе страсть как приятно благоухать. Все работяги твои будут!

МАРИНКА – Ну, почему одни работяги? А если и работяги – у нас в цеху парни видные, высокие, и по характеру ничего – веселые, не жмотистые. Я ведь тебе предлагала познакомиться.

АНЯ – С кем познакомиться? С Тарасиком?

МАРИНКА – Зачем же с Тарасиком? Приглянулся, что ли? Эх, мне для тебя не жалко! Только подожди недолго, я с ним нагуляюсь...

АНЯ – Недолго? Полно, Маринка, ты каждую неделю кавалера меняешь.

МАРИНКА – И что? Я девушка свободная, молодая, по своей воле живу – никого не трогаю, не прошу и на шею не вешаюсь.

АНЯ – А по-моему, ты именно вешаешься!

МАРИНКА – Это не так называется!

АНЯ – Именно так вокруг тебя и назовут. Доиграешься ты, Маринка! Сама знаешь – у нас в Укалаеве ослабить легко можно. Вон бабки на скамейки тебя уже со сколькими кавалерами видели – а уж они тебе косточки перемыли, будь уверена. погоди, еще матери твоей наговорят.

МАРИНКА – Упаси бог! Любят же у нас в чужую жизнь лезть. Ну, что от меня-то требуется? Я человек безобидный, не кричу, не ругаюсь матом, не буяню, и пьяной меня никто не видел – кому я что плохое сделала?

АНЯ – Ну да, ну да, во дворе закончили обсуждать твое возвращение в Укалаев – то ли ты замужем жила, то ли нет? И где теперь твой муженек пропадает?

МАРИНКА – Кутусь, ты говори, да не заговаривайся. С Лешкой мы уже год как разбежались. И ни его, ни его семейку я вспоминать не желаю. Наверное, у меня помутился рассудок, когда замуж выходила – не пойму, чем это мне Лешка понравился? Дела прошлые...

АНЯ – Только не для наших сплетниц. Они уж и к матери твоей, Светлане Аркадьевне, со слащавым видом подкатывали – дескать, зятяка вашего давно не видать... Хорошо, парикмахерша Надежда на них руками замахала – идите прочь, трещотки...

МАРИНКА – Ты права. Мама до сих пор переживает, иногда даже плачет, все меня жалеет, а не поймет, что жалеть тут не о чем. С Лешкой мы бы не ужились...

АНЯ – Да, твоя мать ревет, а вот ты – нет! уже успела завить горе веревочкой. Маринка, всех молодых парней в литейке ты перебрала.

МАРИНКА – Не всем ведь жить монашкой, как ты, Кутусь, себя блюсти. И позволь узнать, какое сокровище ты бережешь? Не успеешь оглянуться – ан жизнь-то прожита, остались воспоминания. Ты что вспоминать будешь? Как в лаборатории своей пробирки перетирала, да как дома в окошко смотрела? Я так жить не хочу – тоска зеленая, ни минуточки ей не подарю. Хватит, с Лешкой пожила – наревелась, больше слезинки от меня никто не увидит... Кутусь, ты же как царевна несмеяна – даже Татьяна Иосифовна просит тебя растормошить. По ночам в окошко можно долго пялиться – что там углядишь? А года идут. Я тебе не раз повторяла – будь повеселей да поприветливей, парни у нас на заводе хорошие – конечно, в лаборатории вашей, бабском рассаднике, повстречать их трудней, но ты выбирайся в цех почаще и не строй из себя принцессу – принца долго ждать придется. Да и нет тут у нас принцев совсем.

АНЯ – Мать и тебе песни поет? Достала она меня! Пытается жизнь мою устроить. Надоело! Не нужен мне никто. Мать сама жизнь одна прожила, как решила – и не больно-то ее беспокоило, что я или кто другой об этом думаем.

МАРИНКА – И ты подумала как она? В старых девах собралась закиснуть? А что об этом думает лейтенант Косцов? Он все еще ходит за тобой и терпит твои взбрыкивания? Кутусь, извини, но ты дуреха! Молодой парень, с квартирой, с образованием – да он вмиг у нас в Укалаеве карьеру сделает – сначала замом Валиева, а потом и самый первый укалаевский мент – чем плохо? У тебя есть другие варианты? Вот у него точно будут! Укалаевское бабье эдакого жениха не упустит, а ты локти искусаешь. Твоему лейтенантику далеко ходить не придется – у его начальника Валиева тоже дочка на выданье имеется, уже он-то быстренько свою Юлечку пристроит!.. И потом, твоя мама, что всю жизнь одна прожила, тебе плохого не предложит – а она и меня просила на тебя повлиять, чтобы ты, значит, поприветливее с Косцовым. Чем он тебе противен?

АНЯ – Как телок он – ласковый, ручной! Веришь, придет, сядет рядом, смотрит своими коровьими глазами и только не причмокивает...

МАРИНКА – Тю-у, все мужичье такое.

АНЯ – Тебе лучше знать.

МАРИНКА – Поверь, если обещает жениться – не все так плохо... Хотя если ты говоришь, телок...

АНЯ – Телок, телок именно!

МАРИНКА – Ну, пошли его – далеко и надолго!

АНЯ – Но ты ведь сама говорила...

МАРИНКА – Да мало ли я что говорила. А если ты говоришь, что телок – не стоит вам и встречаться. В таком случае даже замужество не спасет.

АНЯ – Опять двадцать пять! Ты меня учишь, подруга, наставляешь уму – разуму, а вот у тебя хоть и дружков много, а никто что-то замуж не берет?

МАРИНКА – Ну почему же, если я захочу... А я не хочу! Ты же сказала – и я тебя понимаю. Хватило мне первого брака. Я теперь пожить хочу в свое удовольствие, мужиков на мой век хватит.

АНЯ – Ой, Маринка, некоторые ведь женатые.

МАРИНКА – Не убудет от них. Никто ведь никого насильно не держит.

АНЯ – Без тормозов ты, честное слово. Ты такое ихним женам скажи – волосы тебе повыдирают.

МАРИНКА – Чепуха, я ведь ни одного не увела.

АНЯ – Да это, может, по укалаевским меркам еще хуже.

МАРИНКА – Хуже или лучше, без разницы. Меньше проблем.

АНЯ – Сдается мне, проблемы будут у тебя.

МАРИНКА – Ну вот, кто кого жить учит? Татьяна Иосифовна просила научить тебя.

АНЯ – Я поговорю с мамой. Стала я замечать, что у нее сменились вкусы и пристрастия – от своих обожаемых русских классиков она вдруг переметнулась на детективы и читает теперь запоем всякую иностранщину – Кристи, Честертон, Сойерс, Куина – наверное, в жизни взбодриться не помешает, но что-то слишком рьяно она взялась... Последнее ее модное увлечение – ты не поверишь – все об экстрасенсах и их чудесах – целительство, телекинез, кожное зрение... И это наши добрые советские учителя!

МАРИНКА – Только не выдавай меня. Я Татьяну Иосифовну уважаю, и понимаю ее тоже – с тобой нелегко рядом существовать, Кутусь, нрав у тебя тяжелый. Дундук ты!

АНЯ – Глупости, ты тоже упрямая – делаешь, что хочешь, и никто тебе не указ. Просто мы разное с тобой хотим... Ладно, заболтались – домой пора. Деньги потрачены на дребедень, удовлетворение не получено, все как всегда

МАРИНКА – Время еще детское, куда ты торопишься? Опять сидеть в четырех стенах?

АНЯ – А тут что делать? Глазеть по сторонам? Много интересного у нас встретишь?

МАРИНКА – Ну, ясно, мы же не в столицах!

АНЯ – Да, тут у нас, как говорится, тысячу верст скачи, а до границы не доскачешь.

МАРИНКА – При чем здесь скачки? Какая граница? Ты про что? Опять про свои книжки? Ты неисправима, Кутусь!... Хотела бы я... Хорошо, пойдем, а то до девяти ты должна попасть домой как примерная девочка. Ты уже совершеннолетняя, Кутусь, если что... Постойка!

АНЯ – Что на этот раз?

МАРИНКА – ...Погляди же! Ты узнаешь?... Да не туда смотришь, потема! Вон видишь, машина припарковалась у крыльца? Шикарная иномарка. Я такие только в кино видела. Большая, темно-зеленая с надписью Жеер.

АНЯ – Иномарки изучаешь? Не трудись – не ездить тебе на ней...

МАРИНКА – Ручаюсь, это не местные – кто у нас эдакого зверя может позволить? И не из заводского гаража, уж точно – там, у Федорова все больше черные да серебристые машинки бегают. А вот прокатилась бы я сейчас!

АНЯ – Ага, только пальчиком помани...

МАРИНКА – Тебя словно отвращают люди, которые в богатстве живут, на дорогих тачках разъезжают. Неужто не завидно? Если же нет – то книжки тебе всю жизнь заменили, Кутусь. Посмотри хоть на удачливых людей – они в Укалаеве как диковина.

АНЯ – Ну, смотрю, и что же?

МАРИНКА – А без твоих всегдашних подковырок... Подожди, вон женщина из машины выходит... Пумс! не приснилось ли мне все это?... Точно!

АНЯ – Чего?

МАРИНКА – Ничего! Узнала, Кутусь? Признала? Ну, то-то же! Танька Седон собственной персоной! Умереть можно!.. Нет, правда, Танька Седон, она! Да кто же поверит?... Давно её не видели в наших краях. Лет пять-шесть или поболее? И вот теперь сваливается, как снег на голову. Здравьте!

АНЯ – Тише, тише ты, орешь как бешеная...

МАРИНКА – Да не я, а у нее глаза бесстыжие! другая и думать позабыла бы про Укалаев, посовестились бы, а этой корове всё нипочём... Нет, правда, выискалась наследная принцесса!

АНЯ – Притормози ты!

МАРИНКА – Полюбуйся на её наряд, Кутусь, полюбуйся – ведь очевидно, не с нашего китайского базара – одета так, что прямо сейчас из города Парижа... И я уверена, что это не стекляшки на ней блестят – брюлики с орех размером. Мать честная! И тачка у них крутая – мерс...

АНЯ – Все, отпустило? Тогда выдохни.

МАРИНКА – Ах, Кутусь, удивительные вещи случаются в Укалаеве! Сподобились мы с тобой лицезреть это явление простому народу – повезло, не то проторчали бы в Кристалле и пропустили бы самое интересное... Укалаевская принцесса пожаловала! Конечно, смотрится она роскошно, нам бы так... Сейчас ступит на лестницу и рядом пройдет – с каблучищ своих скопытится...

АНЯ – Тсс!

МАРИНКА – Видала? Ну!!

АНЯ – Замолкни ты. Она – Седон. Надеюсь, твоя пустая голова ещё способна понимать! И ты себя с Седонами близко не равняй: кто они и кто ты? так, нищета одна...

МАРИНКА – Спасибо, что напомнила. Нет, мне до сих пор не верится, кого я вижу...

АНЯ – Да, действительно, Татьяна Седон. И твои стоны и вздохи без надобности, как и рассуждения о стыде – сквозь землю она не провалилась и сейчас великолепно себя чувствует, не вспоминая про тебя, и со своих шпилек не упадет... Ах, она и впрямь смотрится...

МАРИНКА – Смотрится?! Да она смотрится как с картинки —парадный выход... Между прочим, откуда вырулила ее иномарка? Вчера в Укалаеве никто не слыхал, чтобы Седоновская наследница объявилась. С какой радости она нас осчастливила, а? Вроде про Седонов давно все молчат... И зачем она шляется по укалаевским магазинам? Ведь упакована с ног до головы так, что будь- будь.

АНЯ – Тебе интересно, аж свербит! Её дело, что в магазинах покупать, хоть весь Кристалл вкупе с Мицкисами перекупит на корню – тебя как касается?

МАРИНКА – Ты права. Танька не станет торчать два часа перед прилавком, выбирая дешёвую туалетную воду – по примеру нас. Впрочем, за наши деньги – дерьмо, оно и есть дерьмо.

АНЯ – Ах, так? Ты же покупаешь?

МАРИНКА – Не смейся, Кутусь, могла бы я себе позволить большее...

АНЯ – Могли бы мы все и всё себе позволить, старая песенка...

МАРИНКА – Бесполезно, да... Хм, эта Седонка не соизволила нас заметить, прошествовала мимо. Осталось только к стенке прижаться, дабы убожеством своим не задеть её высочество...

АНЯ – Маринка, язык твой...

МАРИНКА – Знаю, знаю!.. Ой, она не одна, Танька-то – в машине кто-то сидит...

АНЯ – Тебе-то что? Опять нарываешься?

МАРИНКА – Конечно, недостойны мы, чтобы пылинки сдувать... Смешно, будто не мы до восьмого класса вместе учились, в школьном коридоре нос к носу сталкивались... С тобой, Кутусь, она даже иногда словечком перекидывалась. В школьной форме все были одинаковыми гадкими утятами... Хотя, о чём это я? И тогда она считалась стервой – стерва и теперь. Седон!

АНЯ – Рада, что ты поняла.

МАРИНКА – А ты знаешь, даже обидно! Ведь это не ты и не я в пятнадцать лет вывалились в грязи – а Танька тогда опозорилась на весь город, и Седоны поспешили засунуть её вместе с укалаевским парнем куда подальше. Как его звали? Не помню... Замяли ту грязную историю со школьной прогулкой в Казину пещеру. Вот веселое времечко!

АНЯ – Помню слабо, странная и больше нелепая история, обросла слухами...

МАРИНКА – Ну да, ну да! Наивная ты, Кутусь, до невозможности. С тобой спорить – ладно, не буду... Интересно, где обреталась эта шлюха, что теперь является с невинным лицом и шикарным видом, с бриллиантами и на шпильках, а на нас не глядит, словно мы мусор под ногами... И куда девался её ненаглядный муженёк – из тех самых укалаев. Раз она вернулась в родной город, то и он вместе с женушкой должен приползти на родную помойку. Если не так, чего ради она здесь разгуливает прилюдно?

АНЯ – Хватит трепаться! Тебя замкнуло, что ли? Мы торчим здесь битый час, а нам ещё до дому добираться. Вернись с небес на землю! Утром будут известны укалаевские новости про Седонов – городишко-то тесный. И ты, наконец, проверишь массу своих интересных догадок, а пока умоляю – заткнись! Пошли!

МАРИНКА – Нет, я не в силах все так оставить. Кутусь, еще минуточку...

АНЯ – Что ты собираешься выкинуть, дура?.. Маринка, не лезь! Ты куда?

МАРИНКА – Да я сейчас, сейчас.

АНЯ – Кончай цирк! Маринка!!

МАРИНКА – Ну ты чего? Руку оторвешь!

АНЯ – Я-то ничего, а вот ты уже к незнакомым мужчинам пристаешь. Как будто зудит у тебя в одном месте!

МАРИНКА – Спросить нельзя? Ничего ведь не случилось, я только спросила – про что? да про время! про что же еще? Любопытно ведь, кто теперь с Танькой Седон разъезжает... Необычный тип устроился в Седоновской машине на заднем сиденье – мужику с виду полтинник, смуглый, глазастый, худой, волосы в хвост собраны – и весь в черном, представляешь? И умора, шапочка у него такая – тоже черная, навроде пилотки, на которой наверчены цепочки, бусы из камушков, проволоочки, разные штуkenции; и пальцы у него длинные, желтые, в бабских кольцах, а на запястье часы массивные, блестящие, навороченные – видно, дорожные... Улыбается.

АНЯ – Тебе что? Пусть улыбается.

МАРИНКА – Представь, он вовсе не как твой телок улыбается – наоборот, волчище зубы показывает во все рот – хрум, и нет тебя...

АНЯ – Сама же и нарываешься. Пойдем отсюда! И ради бога, смотри по сторонам – сейчас от мэрии столько машин отъезжает. Развелось у нас чиновников – в здание скоро не влезут, и все важным делом заняты... Маринка!! Осторожно...

МАРИНКА – Этот черт бешеный летит, сломя голову! Машинка тоже ничего – серебристая, приметная у нас... И я его знаю – из мэрии субчик – толстый рыжий парень, я его на заводе встречала. У нас в цехе на днях собрание было – про зарплату рабочие спрашивали...

АНЯ – Нашли что спрашивать!

МАРИНКА – Ничего путного не ответили. И там этот рыжий тоже присутствовал, сидел за столом вместе с профсоюзными чинушами... Ты знаешь, Кутусь, народ очень злой – и на безденежье, и на новые заводские порядки! Доплаты режут, у нас в цехе молоко оставили только крановщицам – понятно, они на верхотуре гадостью надышатся, за смену не раз блевануть тянет, даже ведро с собой наверх волокут; а прочие бабы взбунтовались, самые отчаянные клеймовщицы – за двадцать лет мозги свои насквозь приколотить можно – вот они, дурные, и орали, тех, кто на сцене, чуть не разорвали, с нашим бабьем не совладать. Если бы начальник цеха не заступился... И то, Кутусь, люди как в последний раз квитки получили... Тощенького бухгалтера в очках Федоров выгнал – узнал про его знакомство с Седонами и выгнал. Дураки обрадовались – нашелся виновник всех бед на заводе, кто работяг зажимал, положенное не платил – рты раззявили, ан глянь в квиток – еще хуже оказалось, трети зарплаты как и не было!

АНЯ – Да наплевать мне на бухгалтерию – как на...

МАРИНКА – Да я не про это, а про рыжего парня на серебристой иномарке. Он на собрании тоже сидел за столом и лыбился, пальцами щелкал... Я тогда про него выясняла – из мэрии он, фамилию не запомнила, а имечко редкое – Богдан...

АНЯ – Богдан – или не Богдан, даже Спиридон – без разницы!

МАРИНКА – При чем здесь Спиридон? Какой Спиридон? Тоже дурацкое имя!.. Хотя ты права – нет смысла. На людей сейчас всем плевать. Спрашивали, когда зарплату выдавать будут – гроши эти несчастные – в ответ стали заливать, как всем сейчас тяжело...

АНЯ – Да, да, кто-то с пустым брюхом спать ложится, а кто-то в Катеринке коньяк стаканами хлестает – ну, тоже без всякого удовольствия!

МАРИНКА – Вот именно. В Катеринке за последнее время посетители не иссякли нисколько – каждый вечер ресторан полон, народ спивается, Мицкисы деньги лопатой гребут. А на заводе зарплату уже полгода не дают – так, кидают жалкие подачки, лишь бы рты позатыкать.

АНЯ – Не знаю, как бы мы жили, если бы не мамины деньги – на учительскую ставку не пошикуешь, но у меня в лаборатории даже меньше выходит – и те крохи получить не могу.

МАРИНКА – Мне порой кажется – зачем тебе, вообще, зарплата, Кутусь? Ты никуда не ходишь, обыкновенные вещи не покупаешь – а если купишь, например, помаду, то этот тюбик у тебя полгода валяется, пока не засохнет. На что тебе тратиться? Когда ты в последний раз покупала новую кофточку? или бижутерию? сережки какие-нибудь пустяковые или цепочку? Кутусь, ты ведь не монашка...

АНЯ – Почему ничего не покупаю? Покупаю.

МАРИНКА – Ну, например?

АНЯ – Духи, например, вот сейчас купила. А ты что подумала?

МАРИНКА – Духи? Ах, да, духи – действительно... Транжира ты, Кутусь!

АНЯ – А это как посчитать – вроде и дешевка, но если взять мою зарплату, то купила я баснословно дорого и бесполезно! Благодаря твоему совету.

МАРИНКА – Ты смотри с нормальной женской точки зрения. Кутусь. Я много раз говорила – тебе нужно краситься поярче – высветли волосы, подведи глаза, подрумянься, а то совсем как серая мышка... Вот Танька Седон – помнишь ее по школе? Уродина она, чернавка, вылитая укалаевка, даром что эдакая фамилия – а что фамилия? фамилию вместо лица натянуть можно и щеголять? Оказывается, можно! не фамилию, то есть, а саму принадлежность... На отцовские деньги как Танька выглядит! Шмотки шикарные накупила, брюлики с орех навесила, на лицо штукатурки в три слоя намазала – у самой – то кожа желтая, а теперь блестит как бумага; Танька даже зубы выпрямила – в школе она стеснялась улыбаться – так зубы в разные стороны торчали, у нее первой мы тогда брекетсы и увидели! Зато сейчас – красotka, гордячка, и кавалер у нее...

АНЯ – Ты ей косточки перемыла вплоть до зубов. А зубы – тоже кости?

МАРИНКА – Шутки твои... Я хотела сказать – меня не касается.

АНЯ – Так брось ты поминать Таньку Седон – как приехала, так и уедет со своими кавалерами, нам не угнаться за ней.

МАРИНКА – А может, я красивее ее!

АНЯ – Ну, конечно!

МАРИНКА – И без Танькиной сбруи и штукатурки – в сотни раз красивее! Ее черный кавалер, который в джипе сидел – он на меня уставился! Что-то лопотал – я не поняла – но смотрел точно!

АНЯ – Сейчас он на этом джипе зашуршит, подкатит и спросит – а не подвезти ли вас, прекрасная рани? Самой не смешно? Маринка, честное слово, поздно уже – похолодало, а нам еще до дома идти. Вечереет, и предстоящая прогулка мне нравится все меньше...

МАРИНКА – Чего трясешься? До темноты раньки не появятся и не шуганут... Или ты маньяка опасешься, что ли? Того, который с ножичком? Как ты говорила – самой не смешно?

АНЯ – Типун тебе на язык! В этом мало приятного...

МАРИНКА – Да ладно, брехня все это! Если что и случилось, то люди нагородили с три короба больше. Маньяк в Укалаеве – прям кино!.. Поменьше надо шляться в поселок укалаев, обходить Котуть за три версты – вот ничего и не случится.

АНЯ – Ты смелая – встретишь того маньяка и изувечишь его своими острыми коготками, или косметичкой голову пробьешь, а еще лучше – парализуешь его духами, купленными в Кристалле – им лучшее применение... Одним словом, применишь смертельное оружие!

МАРИНКА – В обиду себя не дам!

АНЯ – Пустое! драпанешь без оглядки, что только ветер засвистит.

МАРИНКА – Ведь он никого не убил, не покалечил серьезно – малахольный какой – то!.. Мне кажется, что он ножичком забавляется потому, как не способен ни на что.

АНЯ – Проверить желаешь? Ох, Маринка, накаркаешь...

МАРИНКА – И что теперь дома торчать? В жизни раз бывает восемнадцать лет!

АНЯ – У тебя уже было – когда ты со своим Лешкой связалась.

МАРИНКА – Плевать на Лешку, плевать на того малахольного! Кутусь, а давай закатимся в Гон Виру, развлечемся!

АНЯ – Куда??

МАРИНКА – Ах ты не знаешь! Самое, что ни на есть, новомодное местечко сейчас в городе! На первом этаже в Катеринке устроили клуб. Открыты по пятницам и в выходные. Там помещение просторное, вход отдельный, и девушкам бесплатно, с парней плату возьмут. Все гораздо проще, чем в ресторане – ди-джей, музыка, танцы, дешевое пойло; и безбашенных малолеток туда Мицкисы не пускают. Пойдем, Кутусь, прихвати своего лейтенанта Косцова, я с Тарасиком – просто потанцуем.

АНЯ – Как-как называется это место попроче?

МАРИНКА – Гон-Вира, а что? Открылись еще весной, и контингент там не вовсе озабоченные подростки. Я в клубе бывала пару раз с нашими цеховыми ребятами, все тип-топ.

АНЯ – С цеховыми ребятами, говоришь? Значит, с парнями – и каждый раз с новыми? Теперь с Тарасиком? И там прилично? Ах да, я вспомнила! моя мать недавно жаловалась, что в ее классе девчонки укалаевки из поселка совсем от рук отбились – у них экзамены на носу, они уже курят, выпивают, сквернословят – пардон, они так разговаривают, не желают читать русскую литературу и лить слезы с Татьяной Лариной – торчат в какой-то Гон-Вире. Вон оказывается, куда ходит наша продвинутая молодежь.

МАРИНКА – Литература им без надобности – ну, от слова совсем... Честно говоря, в средней школе я тоже была с литературой не в ладах – и после школы тоже, и твою Татьяну Ларину как сейчас помню... Но Кутусь, у нас куда ни пойдешь – везде можно встретить укалаев, и что теперь? Запереться в четырех стенах? Не бойся – твой лейтенант тебя защитит, а мне, так и быть, защита не понадобится.

АНЯ – Я с ним никуда не пойду!

МАРИНКА – Не плюй в колодец – придется напиться.

АНЯ – Сама и пей!

1.5

Все там же. Площадь перед администрацией Укалаева.
Троица странных личностей с кличками Ияй, Феоктист и Дурень.
Мальчик Семен Рожков, которого все зовут Золотцем.

Ияй – Други мои, наконец-то достигли мы цели своего путешествия. Приятно очутиться на родине! И дым отечества нам сладок и приятен... Вот он, Укалаев! Как в песне поется, пусть кричат уродина – а она нам родина... М-да, а город-то изменился. Многое для меня незнакомо – например, эта площадь – ее размеры подавляют. Зачем столько открытого пространства? Одни бетонные плиты, ни чахлого деревца и ни тени от него... Для каких важных надобностей теперь все это, я спрашиваю? Время революционных массовок прошло – нет ни того духа, ни тех ярких личностей. Жаль, скучаю я по ушедшей эпохе – под какими вдохновенными лозунгами тогда выходили на старую площадь перед правлением: смерть мировому капиталу! врагов народа к расстрелу! революция – мать наша...

К борьбе и смерти мы готовы как один.

Веди нас в бой, товарищ Чепухчин!

Да здравствует рождение нового человека! Обнажись и освободись от старорежимных предрассудков! Ух, как смело, ново! Молодая красавица Роза Мицкис кого угодно вдохновит и сделает своим неофитом – табунами за ней ходили...

Феоктист – Эк тебя заносит. Хотя да – Роза есть нечто, да! Она заморочила даже Николая Седона, настоящего революционного барина – царицу труда в его дворце ваяли именно с Розы – с обнаженной грудью, развивающимися косами. Потом, правда, набросили целомудренный покров на статую...

Ияй – Я и говорю, какое героическое время! Какие люди! Самому не верится, что лично знал – разумеется, Николай Сергеич Седон мне руки не подавал, брезговал, но Роза... Кажется, все было только вчера – вот целая жизнь пронеслась перед глазами – теперь уже не то... Пустота и чахлые деревца... Гм, здесь и сидит городское начальство? Вот и не правду говорят, что не место красит человека – иногда именно место! Мне думается, что прежнее-то место в старом Укалаеве было гораздо красивее. Современная архитектура – как бы выразиться помягче насчет того, что мы видим... Серые безликие здания, серый асфальт, жилые муравейники – безнадега. Покойный Николай Седон замыслил строить новый город по-другому. Взять его Дворец труда – высокое помпезное здание с колоннадой; сверху постамент со скульптурной группой рабочих металлургов из гипса. Внутри дворца чего только нет: колонны, лепнина, перила с точеными балясинами, еще настенные росписи, потолочное панно с первомайскими демонстрантами. И опять статуи, много статуй – говорят, их вылепили с реальных людей и – о, крамола! – не обязательно пролетариев... Дело не только в Розе Мицкис – ее одной было бы уже достаточно, но она ведь не одна. Даже сейчас, по прошествии лет, не идет из памяти другая девица – кажется, звали Евгенией, а проще Еней. Миленькая, с кудряшками, добрым круглым личиком; все бегала, суежилась, стихи читала, нежная была душа; вот с нее вылепили комсомолку с книжкой – а что? очень даже получилось! А статуи иных героев – строителей, землекопов, металлургов, ученых, спортсменов, красноармейцев... Пролетария – гегемона, конечно, изобразили с Авенаха Валиева, этого молодца с торсом древнегреческого атлета... Весьма, весьма авангардно – в духе времени... Ах, эта Евгения была исключительно хороша и в виде статуи, и натурально – она и уцелела, а Розина статуя нет, увы... Да, много воды в Исе утекло...

Феоктист – Верно, город изменился – окрестности вокзала не узнать. Раньше здесь располагалась деревня – кажись, Деревягино. Дыра как есть – сплошь дворы единоличников, доб-

ротные крыши под железом, дощатые заборы, псы брехливые – так сказать, пережитки прошлого...

Ийй – Ну, с пережиткам как раз справились. На Розину статую накрутили греческое одеяние, землю закатали в асфальт, возвели бетонные пятиэтажки, цеховые трубы зачಾದили все вокруг, осчастливили жителей. Я ошибаюсь, или Николай Седон иначе представлял город будущего? У него-то душа алкала возвышенного, сказывалось чуждое классовое воспитание! Он сочинял все больше прожекты каких-то гигантских куполов с летательными кораблями и башнями ксиломов, безлюдных фабрик будущего, рунальских парков и дворцов для простых тружеников, комфортных жилищ из железобетона... Неисправимым романтиком был, светлая ему память... Разве мог Николай Седон вообразить, что однажды его придуманные корабли и правду появятся над Укалаевым – а вот дождемся же мы!... Здешний тон готов к принятию гостей – это носится в воздухе. Дира сияние, свет озаривший!..

Феоктист – Поменьше пафоса, Яшка. Ты всегда был падок на красивые словеса, таким и остался. Дурень, ты согласен со мной? Чего молчишь?

Дурень – Пожрать бы...

Ийй – Тебе бы только брюхо набить. Нет в тебе чувства прекрасного.

Феоктист – Ты слишком многого от него требуешь. И он отчасти прав – нам бы заночевать где-то...

Ийй – Это не проблема. В Укалаеве у меня остались друзья.

Феоктист – Ах, друзья? У тебя весь город в друзьях – везет тебе! Счастливчик Яшка!

Ийй – Ну, весь – не весь, а кое-кто найдется. Конечно, если к людям относиться как к пыли – как ты относишься... Знавал я в прошлый раз одного приятеля – Рожков его фамилия – мы вместе немало пережили, стали связанными истинной дружбой.

Феоктист – Я сейчас помру от чувств... Рожков? ах, это тот, с которым вы на пару тогда в смутное время дезертировали с воинской службы и спрятались от революционных властей в Котуте? Тогда все летело вверх тормашками, и некому было вам мозги вправить – доблестное деяние, нечего сказать! Твоего Рожкова еще можно понять – спелись тогда молодой дурак и старый... Прости, Дурень, это я не про тебя...

Дурень – Чего уж там. Пожрать будет?

Ийй – Помолчи, сделай милость... Не помню такого... И стоит ли все вспоминать? *Одна память Келео – боль и слезы, что было – уже былшем поросло, Иса унесла в нижние земли...* Тому Рожкову, наверное, сколько лет? да и жив ли он? И обрадуется ли прежнему товарищу?

Феоктист – Брось, Яшка, все ваше дезертирство – лишь цветочки в сравнении остальным. Если этот дедок Рожков из ума не выжил и тебя захочет вспомнить...

Ийй – Как жестока жизнь, когда твой друг тебя же не узнает! Нет, я не верю – ведь мы же души друг другу распахнули, у нас секретов не имелось...

Феоктист – Наоборот, слишком подлые секреты у вас были – как тогда в карауле стояли, как той ужасной ночью столько людей расстреляли! а вы, мерзавцы первостатейные, дали деру – с тех пор друзьяки вы между собой, крепко повязанные – крепче крови ничего быть не может...

Ийй – Уж не хочешь ли ты меня в чем обвинить? не я там стрелял.

Феоктист – Конечно, не ты, и не Рожков твой – оба вы трусы! Вас не было ни среди тех, кто стрелял, ни среди тех, кто потом хоронил.

Ийй – Время такое было – его не выбирают...

Феоктист – Да ты что угодно оправдаешь, чурбан старый. Как сейчас – пустил тут слезу про отчину! Никто тебя здесь не ждет! Никому ты не нужен! И друг твой Рожков за эти годы уж постарался забыть ваши с ним приключения! Он восплает счастьем, когда ты свалишься ему на голову!

Ийй – М-да... ну, если никто не вспомнит, то вряд ли пустит на ночлег. Все равно можно найти укромное местечко в Котуте – тебе-то Худопеи в приюте не откажут. Или забыли тебя? Стареешь, брат! Но я предлагаю верный способ – в Кутуевском парке есть беседки – значит уже, что не под открытым небом, а ночи сейчас теплые...

Феоктист – Не советую я располагаться на ночлег в развалинах тех беседок. Много чего приключиться может такими теплыми ночами. Не мы одни укалаевские гости сейчас, другой гостенек тоже скоро объявиться должен – как говорится, вот-вот... Непокойно диррическое небо над Укалаевым, рисковать не стоит. Уже несколько дней грозы замучили – не бывало подобного лета раньше – сначала духота и тяжесть гнетут, и тьма посреди дня наступает, и в ней всполохи такие оранжевые расчертят, а после потоки воды выливаются; и ночи стоят беззвездные, черные, хоть глаз выколи – лишь слава, что теплые... Вот и кумекаю, что по всем приметам здесь он, гость дорогой – и где же ему вынырнуть, если не в Кутуевском парке? самое подходящее место.

Ийй – Феоктист, наговорил ты, наобещал...

Феоктист – А что? Ведь тебе не привыкать – подумаешь, погоришь вдругорядь, никто из друзей твоих не заплачет... И верно, что тебе лучше в поселок не соваться, а то боюсь – не только Рожков твой уцелел, кто-то еще вас должен помнить. У старых грехов длинная память. Кстати, слышал? Цуев объявился! Опять по приметам...

Ийй – Ах, да? Мерзопакостный человечиска – вот он кто, твой Цуев! Тьфу!! Как его земля только носит, не провалится сейчас же под ним! Со времен Кемави не случилось большей несправедливости...

Феоктист – Опять завел свою шарманку. Провалилась земля-то. Цуев через Провал сюда...

Ийй – И в огне-то не горит, в воде не тонет... Не сожалеет ни о чем... Не удивлен я, братцы, что Цуев опять здесь – и опять возьмется за старое, да он еще и жениться захочет. Где справедливость, я спрашиваю?

Феоктист – Да с чего ты справедливостью как тряпкой махаешься? Справедливо, что каждый хочет свою жизнь устроить. Ты вон или твой друг Рожков... И Цуев ничем не отличается от всех – если задумал жениться, то и женится – к тебе что ли прислушается?

Ийй – Ну уж не-ет, сами духи не согласятся, чтобы проклятый Цуевский род продолжился. Ведь даже нижние земли не приемлют этого мерзавца, не берет Иса, и нет прохода в Оял подлому предателю. И убежден я, что среди Худопеев, Бесур или Лешути не отыщется такой дуры девки, которая согласится связаться с ним!

Феоктист – А ты не торопись убеждать. Он же всякий раз находит

Ийй – Да чтобы здесь! Такое! В тоне Козой! Выбросив крохи памяти и лишившись последних мозгов!

Феоктист – И что Козой? Где твой хваленый Козой? Кому он сдался, вообще? Может, ты как пес скулишь по хозяину, а нам с Дурнем наплевать, когда Козой ходил и землю пригибал, где там его след остался...

Ийй – Ты ведь был там, ты все видел...

Феоктист – Вон ты про что... А чего же ты тогда про своего дурака Рожкова вспомнил, а про дела ваши совместные не вспоминаешь? Чем ты лучше Цуева?

Ийй – Опомнись! Опомнись, Феоктист, я считал тебя другом...

Феоктист – Не друг ты мне, чурка деревянная! Нашел друга!

Ийй – Ладно, придет время, вспомнишь ты мои слова – вот Козой вспомнил, да поздно...

Феоктист – Если на то пошло, твоему Козою времени не хватило вспоминать все глупости в мире – черти утащили его, голубка! Так ли уж важно, что ты там бормотал, дубина? Чего не помог, я спрашиваю?

Ийя – Я не бормотал! Не бормотал вовсе! Ты там был и ты все слушал. А я только сказал – Дира сияние, свет! исполнится все, что Козой напроорочил, и Бесур вернут себе и землю, и тон, а подлые предатели заплатят! А Цуев – предатель. Я тогда сказал – и сейчас готов поклясться.

Феоктист – Не каркай! Твоим клятвам грош цена... И слишком легко ты это – про предателей... Сам себе накаркаешь – опять забыл, чем оборачивались твои вразумления Цуевских невест? Ты-то всегда прогорал, дружок!... И правильно – не лезь не в свое дело, то есть в чужую постель.

Ийя – Как не мое?! Почему не мое! Козой был мне лучшим другом.

Феоктист – Ой, не смейся. Не знал он тебя и не вспоминал тебя даже – как говорится, сгорел *вавукр*, и таков положен путь его – чего жалеть? в Ояле деревьев много...

Ийя – Опять обижаешь, Феоктист.

Феоктист – Смотри, у тебя уже и рожа вечно обиженная, деревянная. Ну, пойди, пойди опять по Цуевским девкам, поищи у них крупы разума – мало ты пробовал на свою же голову...

Дурень – Хрр... Долго вы еще будете собачиться? Жрать охота!

Феоктист – Потихше, Дурень, зачем так орать? Потерпишь, от тебя не убудет. Сначала нужно с ночлегом определиться. Яшка, ты бы смотрел что ли за товарищем – втравит он нас во что-нибудь... В Устане жители отблагодарили, когда на кострище нашли собачьи кости – чуть ребра не переломали... Зачем ему огонь-то понадобился? Он же сырым все лопаает... Вон как по сторонам зыркает, троглодит проклятый!

Ийя – Это ты напрасно – в жизни нашей знаешь как? Или ты съешь, или тебя... И Дурень наш здесь нисколько не виноват – закон природы!

Феоктист – А вот в тюрягу со своим Дурнем и законом природы загремишь, ага. Хорошо на родине покажется... Смотри, говорю, за малохольным – опять собак драть начнет, а милиция – тебя, ежели что...

Ийя – Что ты злишься? Мы у людей попросим помощи – просто так, душевно... Люди – не звери, уж точно не собаки – не разорвут, чай... Вон две девушки идут – хорошие девушки, красавицы, из них кудрявая повеселей будет, и сероглазая тоже не простушка – ой, не проста... Девоньки, не поскупитесь для старика, денежку какую дайте, кушать хочется...

Маринка – Кутусь, глянь, развелось пьянчуг – шагу не ступить, на бутылку клянчат...

Аня – Ты как хочешь, Маринка, я боюсь. Не связывайся с ним! А если он тот самый – ну тот, с ножиком? Смотри, глаз какой черный – зарежет! Ой!

Маринка – Трусливая крольчиха ты, Кутусь. Не трясись – не зарежет, резалки такой не найдет... Что теперь, от каждой тени шараться? Погоди, убежать всегда успеем...

Маринка – Ты, дедуня, вон как в плечах раздался – тебе много на прокорм требуется, мы столько не наскребем... Ты подойди к любому магазину или киоску, спроси работу – затащить чего, приладить, помощь всегда нужна. Конечно, деньгами навряд ли разживешься, но покормят непременно – вдруг еще и нальют. И нечего тут девчонок пугать, в пустые кошельки заглядывать... Иди отсюда, варнак! Вам троим впору на большую дорогу, а не милостыню просить. Я сейчас милицию позову!

Феоктист – Как она тебя отчихвостила, Яшка. Слышал? Эта с кудрявым хвостиком за словом в карман не полезет. Чернотичу она понравится – забавная пухлявочка, свеженькая, живая, да еще что-то своими розовыми губками смешно выговаривает. Ну, точно не пропустит, испоганит как обычно, сколько подобных историй... А может, уцелеет девчушка – Чернотича в последнее время на платонические чувства потянуло – видно, на большее становится способен, ххм... Тогда еще смешней ждать от кота, что тот не сожрет мышь – сожрет, как миленький... Ты, Яшка, не задумывайся слишком, не напрягай мозги – не твое занятие. Вообще, укалаевки к тебе не очень приветливы – ты не находишь? Не оставил свою идею насчет Цуева? не?

Ийя – Давно сказано, бабий волос долог, да ум короток.

Феоктист – Кто сказал-то, опять Кемави? Ох уж этот Кемави! Ты сам рядом был и все слышал? Ну, то-то же! Ум короток, говоришь? Да то бабы – у девок еще лучше. Попробуй усовестить их... Ох, насмешил ты меня! Пойдем что ли, в Котуте на ночлег попросимся... В беседке холодно ночью...

Ийй – Пойдем. Не чужие ведь, не прогонят – надеюсь я. А так, да – последние времена наступают. Если даже мерзавец Цуев появился... Погоди, куда наш идиот запропастился? Где Дурень, я спрашиваю? Ты его куда-нибудь посылал?

Феоктист – Ага, посылал к чертовой матери! И надеюсь, он оттуда нескоро вернется.

Ийй – Натворит делов-то! В первый же вечер неприятности...

Феоктист – Что он может со своим скудным умишком? *Ороя* недоделанный!

Ийй – Это как заведено. Пойдет собак задирать или другой живности башку открутит – курице там, или тетерке... Вспомни, как он в Устане утащил здоровую жирную псину, что сидела у хозяина на цепи, за забором – и никто не проснулся, и цепь оказалась неразомкнутой, одни ключья собачьей шерсти валялись. Жалко Тузика...

Феоктист – Какого Тузика?

Ийй – Ну, Шарика... Ладно, проехали... Но Дурня лучше найти, пока он не начудил. Где только его теперь найдешь?

Феоктист – Сам говорил про закон природы. И думать не надо – где услышишь лай, там наш debil орудует.

Ийй – Бедные собачки не виноваты ни в чем... Если уж кто виноват – то вот такие охладомоны! Смотри, Феоктист, вон тот шкет притаился за кустами – уже минут пять торчит, уши наострил, на ногах переминается. Хватай его! Совсем обнаглела босота укалаевская! все утащить норовит без разбору. И не стыдно тебе, наглая рожа, ведь последнее волокешь...

Золотце – Ой! Пусти, дяденька, я не буду! Я просто стоял! И не при чем вовсе! О-ей, руку ломаешь!

Феоктист – Пц! вот и болотуш очень кстати. Добыча тебе попалась, Яшка. Повезло.

Ийй – И вправду лучше не загадывать – только ничего не было и вдруг... Так ты говоришь, просто стоял? и ничего не делал? Овечка невинная! Сейчас я тебе оторву кое-что, и будешь знать, как безобразничать...

Золотце – Да не брал я ничегошеньки! Помогите!!

Ийй – Чего орешь, дурка, будто тебя режут? Вообще-то, не мешало бы – вместо любой псины – отдать тебя Дурню для вразумления и избавления наовсе – воздух чище станет.

Золотце – Дяденьки, пожалейте, не буду больше!

Ийй – Кто болотуша пожалеет... Башку открутить – она тебе без надобности.

Феоктист – Потихше, братец, не здесь и не сейчас. Не то малец разверещится – людишки набегут, вопросы задавать. Разве одного Дурня нам мало?.. Не бойся, паря, никто тебя не обидит, нельзя верить в страшные сказки. Ты чьих будешь? Из Бесуров?.. Из Худоппеев! Вот и ладушки, все хорошо складывается. Как звать-то? А впрочем, какая разница?

Золотце – Сеня... Семен, то есть.

Феоктист – Ах, Симеон? Пусть так, все равно болотуш. Ха, смешно – в первый же день в Укалаеве встретить болотуша и эту сероглазую унай – как на притчу. В тоне ничего не меняется... Эх ты, Сеня – Сенечка, под скорлупкой семечко. Придется приютить нас. Да не сомневайся, мы люди простые, ко всему привычные, разносолов не потребуем, пуховых перин тоже – кинешь дерюжку, мы и укроемся. А если вас пожалеем – то переночуем и уйдем.

Ийй – Негоже отказывать путникам. Не выворачивай руку-то – оторву совсем. Пойдем что ли? Дорогу в Котуты мы еще не забыли.

Золотце – Конечно, конечно, дяденьки.

1.6

Город Укалаев. Комсомольский район, улица Ника Завалишина.

Квартира Кутуевых.

Аня Кутуева.

Ее мать Татьяна Иосифовна (школьная учительница).

Т.И. -Аня?... Аня, ты это? Что так долго? Погуляли?

АНЯ – Я, мам, не беспокойся... Да нормально все. Уже пришли с Маринкой. Заглянули после работы в Кристалл. Маринка уговорила, я даже купила там духи – сама не знаю, для чего. Обычная китайская подделка, только деньги потратила... А все зря – ты же понимаешь это восхитительное ощущение легкости и пустоты везде – в уме, кошельке...

Т.И. -Ладно, Анечка, побалуй себя хотя бы...

АНЯ – Я швырнула деньги на ветер. Нас эта сумма не спасет... Про зарплаты на заводе мы теперь только слышим – но не получаем... Нет, мам, про деньги глухо совсем. У Маринки в литейном цехе собрание собирали, рабочие про деньги спросили – ответили, что сейчас всем тяжело и нужно затянуть пояса. Везде проблемы – у нищих есть нечего, а у богатых жемчуг мелкий... Тем, кто в управе, нас не понять – они копейки не считают, они большие деньги никак не поделят – и даже сам завод... Говорят, что директор выгнал очередного шустрика из бухгалтерии – может, за разгильдяйство или за воровство, а может, за большой грех. Представляешь, выяснилось, что тот – засланный казачок с Межуя, хотя он вроде бы из Москвы – но в глазах нашего директора – лучше бы уж воровал... Выпроводили на заслуженный отдых пенсионеров – главного метролога Серостанова и других. Директор прямо заявил, что незаменимых нет. Тогда чего проще заменить директора!

Т.И. -Хватит ворошиться в коридоре. Проходи, переоденься и умойся. Ужин на плите – только подогрей картошку на сковороде – уже остыла. Вы припозднились.

АНЯ – Маринка любит потрепаться и поглазеть по сторонам – она обсудит каждого. Никогда не догадаешься, кого мы встретили в центре. Интересно, помнишь ли ты одну свою ученицу – мы учились в параллельных классах, но она даже школы не закончила, уехала из Укалаева – помнишь Татьяну Седон? Фамилия знаменитая, конечно – а саму девушку ты помнишь?

Т.И. -Припоминаю, да. Ее отец был председателем горисполкома – если не ошибаюсь. Седон Валерий Михайлович. Его сменил нынешний глава. Ну а семейство Седонов с тех пор в городе не живет.

АНЯ – Правильно, Татьяна уехала еще раньше, она даже аттестат не получила, полгода не доучилась – все произошло так скоропалительно.

Т.И. – Она невысокая, худенькая, смуглая, почти желтая и на родителей ничуть не похожа. Вот ее отец – красавец мужчина! рослый, белозубый, обаятельный, статный. Жена у него откуда-то с юга – сама белокожая, и глаза прозрачной воды – я еще не встречала таких удивительных глаз. Очень приятная женщина, но очевидно, есть примесь южной крови – у этих родителей оба ребенка смуглые, черноволосые, особенно в мальчике было что-то кавказское, чернявое, диковатое...

АНЯ – Мам, чем ты занята? Отдыхаешь? Устала, наверное? Я хочу тебе сказать, что невзрачная девочка, как ты говоришь, сейчас смотрится просто супер! Красавица, увешанная драгоценностями, и какие шикарные шмотки на ней!, приехала в иномарке, да еще с кавалером... Полюбовалась бы ты на эту девицу—вамп! Зрачки круглые, на веках густые тени, в мочках ушей качаются вот эдакие брюлики – уже точно бриллианты, не наденет же она стекляшки!

Ступает по лестнице как королева, голову высоко несет. Картина сногшибательная! Маринка долго возмущалась.

Т.И. -Ты выражаешься категорично. Она что, даже не поздоровалась с вами?

АНЯ – Мама, ты наивнее Маринки. Кто мы и кто она? И близко не родня, тем более по нынешним временам...

Т.И. – Люди меняются, хотя Татьяна Седон с детства приветливостью не отличалась. Зато ее отец был всегда безукоризненно вежлив, и единственный из мужчин в Укалаеве мог похвастать стопроцентной американской улыбкой – зубы ровные, белые.. Главное в человеке – это воспитание.

АНЯ – Ну да, всегда вежлив – как господин с прислугой. А ты опять заводишь старую песню. Воспитывала, воспитывала ты детей Седонов – теперь они на тебя глядеть будут и не увидят в упор. Вот она, благодарность! Я тоже помню Татьяну Седон в школе, там она была высокомерной и более того – глупой – да, да, глупой! Училась она слабенко – можно сказать, что не училась вовсе, свои хорошие оценки получала только за фамилию, сидела за партой возле окна и туда беспрерывно глядела. Я не права? Как видишь, при отце Седоне хороший аттестат не требуется. Сомневаюсь, чтобы она куда-то поступала – даже отец ее заставить не мог, но он мог бы все купить... Да, собственно говоря, чего я возмущаюсь? мне нет дела до Татьяны Седон и еще десятка таких Татьян. Мне наплевать!

Т.И. – Как-то не похоже, что тебе безразлично. Что вас разделяет пропасть. Твои чувства слишком...

АНЯ – Чего слишком?

Т.И. – Я не специалист, но в физике отталкиваются однородные заряды. Одинаковые.

АНЯ – Мам, ты не физик!

Т.И. – Зачем она приехала? Ее давно не видно в Укалаеве. Она ведь и замуж вроде вышла, и детей родила?

АНЯ – Этого никто тебе не скажет. После отъезда ее отца из города Седонов перестали обсуждать – ты знаешь, как отрезало... Маринка наговорила про нее колкостей. Завтра она соберет городские сплетни, придет ко мне и вывалит.

Т.И. -Ты слишком строга к подруге.

АНЯ – Не понимаю, с чего ты взяла, что она моя подруга – по-моему, ты первая начала говорить про нашу дружбу, потом повторять свои фантазии, но между нами мало общего...

Т.И. -А с кем у тебя найдется что-то общее? Аня, про кого ты вспоминаешь пусть даже в своих фантазиях? У тебя есть хоть к чему-либо интерес? У тебя нет друзей – ты отталкиваешь даже Марину...

АНЯ – Продолжаешь!

Т.И. -Нет, ты послушай – тебе уже не семнадцать, а ты ведешь себя, словно время застыло – тебе безразлично, тебе ничего не жалко – даже собственную жизнь. Не живешь, а спишь. Очнешься над разбитым корытом, пролетят твои годы...

АНЯ – Тебе не надоело меня учить? Слава богу, школу я закончила, в техникуме выучилась, теперь работаю, сама зарабатываю – и офигительно зарабатываю! вон даже духи парижские себе покупаю – кстати, пока шли, запах уже выветрился. Но Маринка как всегда глаза вылупит – покупай! из Парижа ведь!.. Да, из Парижа прямиком в наш Укалаев... Твоя Маринка – дура набитая, а ты ее хвалишь.

Т.И. -А кто у тебя не дурак? Ну, кто хоть чуточку себе на уме? С кем тебе можно общаться, не уронив короны? Марина из простой семьи, без интеллектуальных запросов...

АНЯ – Еще мягко сказано!

Т.И. —Но прочие твои ровесницы – которые поинтеллигентней – уже с мужем, с ребенком, а ты одна – зато с интеллектом, будь он неладен!

АНЯ – Мама!!

Т.И. -Молчу, молчу... Просто я беспокоюсь о тебе. Ты моя дочь, у кого из-за тебя голова заболит... Доченька, извини, я не буду. Мне только хочется, чтобы ты не отзывалась свысока о Марине.

АНЯ – Да ничего я не отзываюсь! И Маринку я изучила – сперва детский сад вместе посещали, потом в школе учились – всю жизнь живем рядышком, чуть ли не на голове друг у друга – в одном доме, она на первом этаже, а я на втором. И нисколько я про нее не преувеличиваю – в отличие от самой Маринки – уже у той язык как помело... И главное, на чьем примере ты решила научить меня семейным ценностям? про историю твоей ненаглядной Мариночки не забыла? Она тоже в семнадцать лет связалась с устанским парнем – то ли замуж выскочила, то ли нет – кавалера своего ни разу в Укалаев не привозила, с мужчиной родней никого не знакомила. Где-то проваландалась – и бац! заявляется обратно с бесстыдным лицом, как есть девушка холостая и интересная... На заводе смеются – у скольких кавалеров она в девушках перебивалась...

Т.И. -Мы мало знаем – и никто всей правды не знает – ручаюсь, что она даже своей матери не рассказала... Я уверена, что жизнь Марину не баловала – и в устанской истории она хлебнула горя... Но посмотри, Аня, что мне нравится – она не отчаивается, не плачется на людях, всегда веселая, приветливая, при встрече улыбается – здравствуйте, тетя Таня. За собой следит, неприбранной ее никто не видел, а как ты думаешь – легко ли ей? легко ли молодой девушке работать в литейной цехе? и в ночные смены выходить, наравне с иными мужиками ворочать? А Маринка смену отрубил и домой бежит со всех ног – мать у нее прихварывает, подкосила тетю Свету история с дочкиным замужеством... Нет, Марина – молодец – впечатление, что девчонку беды не берут, огонек в ней есть – вот она и светится.

АНЯ – Ну, огонька в ней хватает не только, чтобы светиться – кого-то обогревает и даже обжигает...

Т.И. -Я не осуждаю.

АНЯ – Ты никогда и никого не осуждаешь – такая уж ты у меня, мамочка. Все в точности по великой русской литературе. Или ты сейчас другие книжки читаешь? Замечаю твой интерес к эзотерике; у тебя Блаватская, Гурджиев, Кастанеда в кучу свалены. Иначе в жизни серо, скучно и тяжело – да, мама? И зачем мы спорим? Я проголодалась, давай ужинать.

Т.И. -Все остыло, я подогрею, а ты иди руки мыть.

АНЯ – Суп, лапша да картошка и еще колбаса, которую кошки не едят, отвратно...

Т.И. -Ты не воротись, если бы не моя зарплата в школе, то вообще положили бы зубы на полку.

АНЯ – Вам деньги выдали? Живем!

Т.И. – Обещали только... Хлеба отрежь и налей себе молока – не ешь всухомятку... Вообще, в школе творится сумасшествие, иначе не назовешь. Директриса – Клавдия Денисовна Зотуша – приходится родственницей нашему главе администрации – он ее привел, когда уселся в свое кресло, а Зотуша сменила уволившуюся Викторию Седон.

АНЯ – Блат на блате в школе. Бесстыдство!

Т.И. – Всегда было. Но сейчас ты правду говоришь – школа уже не знает, как прогнуться перед городским начальством. Советские выборы – это само приличие. Чего их везде ругают? Просто и понятно.

АНЯ – Не демократично!

Т.И. – Теперь же волнения, суета, дразги, будто нельзя дела делать спокойно. Я опять про нашу директрису – слишком кипучую активность она развила по поводу выборов – прямо событие вселенского масштаба! У нас школа, мы должны учить детей, а политические игры ни к чему... Агитируют рьяно – скоро подписку отберут, что на выборах проголосуем, как надо – именно за Коренева. Я думаю, что некоторые вещи есть перебор. Клавдия Денисовна – женщина резкая, на язык не сдержанная, своими словами многих обидела – если не по ее...

АНЯ – Мама, не удивительно. У нас творится то же самое – директор завода самолично стоит за Коренева, завод обклеен плакатами, в цехах даже собрания созывают для выражения общенародной преданности – мы что, крепостные что ли?. Для чего комедия с выборами, если результат известен заранее?

Т.И. – Я не знаю, что хуже. Клавдия Денисовна посоветовалась с педсоставом, учителей обязала провести в классах разъяснительную работу среди детей – за кого должны голосовать их родители. Все классы выпускают стенгазеты в поддержку Коренева, какие-то листовки дети по подъездам будут разносить... И все это нагло, совершенно не таясь, как она заявила на совещании – если вы надеетесь получить зарплату... Какое пакостное политиканство!

АНЯ – Мамочка, надеюсь, ты там не умничала? Нам тоже необходима твоя зарплата – теперь, когда я потратилась на чертовы духи... Чего ваша директриса истерит? Выберут ее ненаглядного родственника, больше нет никого! Как в добрые старые времена – единый кандидат от блока коммунистов и беспартийных...

Т.И. – Они все от партбилета отрешиваются! Дескать, тайно всегда примыкали к оппозиции, руку приложили к торжеству демократии, самолично Ельцина из-под моста вытаскивали, хунте путь преграждали... И Корнев, если копнуть поглубже, когда приехал сюда после отставки Валерия Седона – так тихонько, скромненько, с одним чемоданчиком, устроился в начальническом кресле, все ручки жал и в глаза заглядывал, с партбилетом своим он даже в туалете не расставался – наверное, одной рукой держал, другой смывал. Теперь освоился, щеки со спины видно, ходит и хрюкает, и вдруг сразу выяснилось – истинный демократ и либерал!

АНЯ – А ты правду ищешь! Как там? нет правды на земле!.. Я надеюсь, вы все на совещании выслушали директрису с умным видом, покивали и отправились выполнять указания? И на ваши головы не нашлось возмущенных правдуров – пардон, правдурубальщиц?

Т.И. -Смеешься, но когда креатуры нашей директрисы уловили требование времени и с ходу предложили набрать детские агитбригады и ходить строем, организовать митинги возле заводской проходной – они сомневались только, какого возраста детей привлекать – у меня случилась мигрень...

АНЯ – И бац! ты опять разоблачила себя как ненадежного члена коллектива... Ах, мама, ты учишь меня приспосабливаться к жизни, что значит – вовремя примкнуть, лизнуть, поучаствовать в первых рядах...

Т.И. -Ты бы видела лицо директрисы – она будто лимон сжевала... Нет, я ничего не сказала. А между тем, у старшеклассников экзамены на носу, их нельзя дергать, да и молодежь сейчас пошла – сомнительно, чтобы их можно было всерьез заставить участвовать в этой... этом...

АНЯ – Ну, договаривай! Давай!

Т.И. -В этом мероприятии! Глупо и некрасиво все выглядит, когда их родителям месяцами не платят заработанные деньги, и они не знают, чем кормить детей, а начальство на заводе и в городе жирует у людей на глазах...

АНЯ – Упс... Похоже, премии тебе не видать. И зачем я духи покупала? Нет, мам, я даже тебя ни в чем не упрекаю.

Т.И. – Аня, вопрос не в выборах – они как пришли, так и закончатся.

АНЯ – Значит, было что-то еще? Из-за одних выборов ты бы не переживала?

Т.И. – Ну да, и в этот раз Клавдия Денисовна отыскала повод. В выпускном классе учатся несколько детей – они из местных, из тех самых укалаев – их все так зовут...

АНЯ – А еще их называют дикарями или туземцами.

Т.И. – Я стараюсь так не говорить. Это неправильно.... Укалаевские ребята особенные, трудные в педагогическом плане – среда, в которую они погружены с детства, не подвигнет ни на что хорошее. И конечно, дети запущены, они вовсе не ангелы... Однако это первые укалаи,

которые дошли до выпускного класса, с ними начинала работать еще Виктория Ирадьевна – да без нее несчастные дети завершили бы учебу в тринадцать – четырнадцать лет, такие у них в Котуте порядки.

АНЯ – Тебе безумно жалко этих дикарей?

Т.И. – Среди них есть талантливые ребята, уверяю тебя. Вот например, один мальчик, Валя Жердыкин – у него гуманитарные способности, ум явно выше среднего, воображение тоже, но ребенок слишком нервен, обозлен, может сорваться, отец у него выпивает и даже бьет сына, и сын не здоров – наследственность, история невеселая... Другая ученица, Ануся Рожкова, у нее имя, похожее на твое – кстати, по бумагам она тоже Ануся – не Аня, не Анна, именно Ануся. Тоже яркая, своевольная девочка, и тоже брошена без родительского присмотра, в шестнадцать лет предоставлена самой себе, посещает разные компании, покуривает, огрызается, все с собой сотворить может!.. Укалаевские дети напоминают выброшенных в дикий лес зверенышей – они подозрительны, агрессивны, и голова у них занята чем угодно, только не учебой... Сверстники из благополучных семей презирают укалаев, те в долгу не остаются – грызня беспрестанная. Учítывая, что в выпускной класс ходит единственная дочка нашего главы Лизель Коренева – представляешь, какая конфликтная ситуация назревает? Нормальные дети и их родители относят укалаев к маргиналам или даже, боюсь к дегенератам – их присутствие опасно влияет на класс в период подготовки к выпускным экзаменам, дальше проблема с поступлением в вузы – голова пухнет от проблем... Теперь конфликт обострился – чистые требуют отделить нечистых, а по-простому – чтобы их перспективных отпрысков оградили от посягательств диких укалаев.

АНЯ – Понятно.

Т.И. – Что понятно? Ничего не понятно! Нельзя делить класс на черных и белых, чистых и нечистых, нельзя создавать подобные ситуации, идти на поводу у таких требований. Укалаи и так не держатся за учебу – они очень легко бросят и перестанут ходить в школу.

АНЯ – Ну и что? Кто-нибудь о них пожалеет?

Т.И. – Ты знаешь, это та самая группа детей, с которой начинала работать Виктория Ирадьевна. Сначала никто не верил в успех, а я помню, как она билась – как набирала учеников, ведь этот класс должен был стать особенным!; как уговаривала родителей согласиться на эксперимент, как боролась за каждого ребенка! Намучилась она с ними – ходила в поселок, искала в бараках ребятишек нужного возраста, самолично отмывала их, кормила чуть ли не с ложки, заставляла посещать уроки. Каторжные усилия! но лишь благодаря им укалаи сейчас учатся в десятом классе, а не валяются пьяными под забором, на что они были обречены своей средой, общим убеждением, что укалаям там и место... Виктория Ирадьевна защитила диссертацию по своей системе обучения таких детей.

АНЯ – Ее никто не благодарит, как я понимаю – ни ее укалаевские воспитанники, ни их одноклассники.

Т.И. – Аня, не будь циничной – если всем наплевать, то это страшно. Когда втуне пропадают результаты колоссального труда, которые могли бы послужить для других ребятишек...

АНЯ – Вы еще собираетесь учить дикарей? Разумеется, ведь Виктория Ирадьевна – твоя благодетельница, ты на нее молиться готова... Но она теперь далеко и вряд ли задумывается, как там ее разлюбозные укалаи поживают, и какие полезные плоды принесла ее педагогическая система. А ты осталась такой же наивной!

Т.И. – У нынешней директрисы не хватает элементарного такта, она насчет укалаевских детей употребляет резкие выражения, ничуть не церемонится, а ведь эти мальчики и девочки уже выросли – они стали юношами и девушками, у них обостренное самолюбие. Остальные дети в выпускном классе тоже не паиньки.

АНЯ – Но они не укалаи!

Т.И. – Вот разве что это. Мы могли бы выпустить их из школы с аттестатами – нормально, как прочих ребят, а не со справками.

АНЯ – Значит, не суждено. Теперь я вспомнила – ты говорила про укалаевку из своего класса со странным именем – Ануся. Ну вот, я ее видела – точно, как ты описывала – маленькая, щупленькая, в дурацкой красной кофте – безразмерной какой-то. Зато волосы у нее богатые, темные... Да, она приходила.

Т.И. – Куда? Зачем?

АНЯ – Очевидно, к тебе. Я встретила ее во дворе нашего дома. Она меня спросила, где живет учительница русского языка и литературы из их школы. Ей что-то нужно было от тебя...

Т.И. – Кому? Анусе Рожковой? Что ей в голову взбрело? Она сидит на уроке с отсутствующим видом, отказывается отвечать. Знаешь, в ее возрасте даже слабые ученицы находят интересные для себя темы в литературе – хотя бы любовную лирику. Ведь они уже девушки... Естественно, все зависит от вкуса – например, Сергей Марон далеко не легкий для восприятия, но есть же что-то попроще.

АНЯ – Ага. Вроде того – помни, помни, не забудь истину простую, что квадрат двух алых губ равен поцелую...

Т.И. – И что?

АНЯ – Ничего. При этом она странно на меня смотрела...

Т.И. – С укалаями всегда так. Внушают опасения. Что их ждет в жизни? хотя бы Анусю?.. Люди создают судьбу сами, и сами же ее ломают. Как с теми несчастными укалаями, которые пойдут по проторенной дорожке.

АНЯ – И пусть! Кому нужно ваше хваленое образование? за каким чертом оно вообще? Ты посмотри на меня – ты меня в школе учила, вдалбливала в голову русскую литературу целыми томами, внушала заумные теории, затем в техникум затолкнула – теперь я имею грошовую работу, и ничего мне в жизни не светит. Я чем-то отличаюсь от твоих дорогих укалаев? Совершенно напрасно вы довели, чуть ли не силком дотащили этих зверенышей до последнего класса – вы им внушили вещи, которые им не нужны, даже вредны – они возвратятся в поселок, на родную помойку, и будут там существовать вместе с безграмотными сородичами – великую услугу вы им оказали!

Т.И. – Аня, обидно наблюдать, как разрушается то, что создавалось много лет. Наша директриса сейчас как слон – топает и все рушит, и не замечает даже. Вспомнишь ее предшественницу – Виктория Ирадьевна являлась педагогом божьей милости, и школа ей очень обязана. Да такой школы в области не было – время пролетело, и где теперь эти учителя, где прежние классы? Ладно, литература нашей директрисе не нужна – кому, вообще, нужна литература в смутное время? Роман Григорьевич Бикташев уволился – уехал, ему предложили место учителя математики в гимназии в Красноустане, а ведь я помню, как Виктория Ирадьевна привезла его, молодого выпускника педа, натаскивала, защищала. Затем его питомцы поступали в столичные вузы и везде, он преподавал математику и укалаевским детям, он возражал против клейма олигофренов, что хлопали без разбору на учеников из Котутя... В школе нарушилась преемственность, идущая от знаменитой Розы Мицкис. Для директрисы и ее подпевал Роза – древняя маразматичка. Но Виктория Ирадьевна всегда испытывала пиетет перед Розой. А я перед Викторией Ирадьевной! Она всю себя отдала главному делу в жизни, по крупицам создавала свои методики – и ведь достигала результата! Ведь укалаи из поселка смогли учиться, осваивать школьную программу наравне с прочими детьми – в это никто не верил, их изначально записали идиотами – максимум три – четыре класса и вон из школы! Виктория Ирадьевна их вытягивала, пестовала, надеялась...

АНЯ – Виктория Ирадьевна, Виктория Ирадьевна! В Москве твоя Виктория Ирадьевна. А ты здесь хлебаешь...

Т.И. – Сейчас в моем десятом классе эти дети никому не нужны – да будь воля Клавдии Денисовны, она их мигом вышвырнула бы... Конечно, укалаи не подарок – воспитания в семье ничем не заменишь, а какое тут воспитание... Кое – кто из них явно тупенький, но вот те двое, упомянутые мною – я тебе скажу, незаурядные личности, да, да! Девочка, Ануся Рожкова – конечно, упрямая, дикая, за словом в карман не полезет, неряха, ногти обкусанные, вечно в своей огромной красной кофте – есть ли у нее хотя бы одно приличное платье? Но ведь светлая голова у бедняжки! если бы она еще прикладывала усилия к учебе... Забавно наблюдать наших отличников за зубрежкой – например, Дима Шутин, староста, круглый отличник и воздыхатель классной примы Лизель Кореновой. Красивый мальчик, благополучный и правильный, но я же вижу, что он пятнами покрывается, когда Ануся играючи щелкает сложнейшие примеры в алгебре и физике, которые ему не даются... Природа несправедлива – хотя нет, не природа, а мы, люди, сами делаем несправедливые вещи. При нынешней директрисе выхода для Ануси Рожковой нет – вернее, выход только один – в укалаевский поселок, в бараки, в свою семью... А семьи у этих детей... Вот и обидно до слез – когда Виктория Ирадьевна в лепешку расшиблась и вытащила, а сейчас в школе готовы втоптать это золото в грязь... И все из-за глупой, вздорной, возомнившей о себе бабе!

АНЯ – Не нервничай. Все, что создал один человек – другой может разрушить с удовольствием. Да не болит у меня голова про твоих укалаев, где они закончат – в ореоле славы или на помойке...

1.7

Старый город. Ленинский район

Заброшенный Кутуевский парк

Богдан Тенишев

Виталий Микушин

Ануся Рожкова и ее укалаевские подруги – Наташа Мухина, Любина Горбунькова.

Богдан – Наконец-то мы на месте.

Микушин – Вы не ошиблись? Какой дурак это называет парком? Пустырь, развалины и ямы – и ни одного фонаря, хоть глаз выколи...

Богдан – Виталик, дружище, не требуй невозможного. А парк здесь был давным-давно, с его созданием начался новый этап в укалаевской истории, да, да! Видишь ли, Укалаев – типичное уральское поселение, выросшее вокруг завода в окружении девственных лесов. Раньше леса здесь простирались везде, затем уральская металлургия подъела ресурсную базу – заводы – то работали на древесном угле. Того старого укалаевского завода уже нет давно; одни развалины кирпичных строений, плотина – она до сих пор стоит, мы проезжали мимо. Разглядел приличную колоннаду? там исторический центр города. Собор, госпиталь, склады, заводская контора, хоромы владельцев здешнего хозеда, торговые лавки, казармы. Уже в девятнадцатом веке в Укалаеве строили по проектам столичных архитекторов. Превосходно сохранилось. Обширное поле деятельности для местных и областных краеведов.

Микушин – Спасибо за справку. Но ты приглашал не на экскурсию. В парк.

Богдан – Сам парк возник как причуда представителя рода укалаевских феодалов – то ли в честь жены, то ли любовницы он разбил большой парк. До революции. Днем заметишь массу интересных деталей – обломки статуй, разоренные беседки, каменные скамьи, здесь было устроено несколько фонтанов, искусственный грот. Прежние аллеи тоже без труда различимы среди чащоб – уверяю, парк в первоизданном виде был великолепен. И к ужасу революционных ниспровергателей вся и всех – здешние эксплуататоры с самого начала сделали парк общественным местом, куда получал доступ каждый абсолютно бесплатно... То, что мы сейчас имеем – жалкие остатки... Тихонько. Дорожка, очевидно, была покрыта плитками, но лучше с нее не сходить... К сожалению, чувство прекрасного среди нас редкость. Парк давно используется в качестве бесплатной свалки – тащат всякий хлам, пожары нередки... Нет, очистить такие площади просто нереально... Да и для чего нести баснословные затраты? Город исторически разрастался к югу – там с семидесятых годов строили новый Комсомольский район, там сейчас основная инфраструктура, а здесь индивидуальная застройка – свои дома, бани, огороды. Историческая зона дальше...

Микушин – Слышу – собаки лают. В какую Тмутаракань меня завезли? Здесь же можно сгинуть без следа – какая романтика? Полное впечатление, что из черных дебрей выскочит кто с кистенем – даже оторопь берет...

Богдан – Я же говорю – романтика, Виталик! На север от Укалаева – вообще, девственный лес, из признаков цивилизации заброшенный Мотылевский рудник – в просторечии Мотылка. Люди не любят ходить в ту сторону. Да еще поселок аборигенов – Котуть. И странная дорога времен царя Гороха, ведущая практически в никуда – в Лешинский лес...

Микушин – Аборигенов? Я-то думал, что в округе и есть самое коренное население...

Богдан – Не совсем так. Эти жители в строгом историческом смысле являются пришлыми – с семнадцатого века, когда возник Укалаев, традиционное поселение – завод. Но до этого земли не были пустынными – здесь жили люди. Я не силен в деталях – повторюсь, для удовлетворения интереса посети краеведческий музей, его директор Завалишин прочи-

тает восторженную лекцию про укалаевских дикарей. В наше время от первобытного народца сохранилась малая часть – живут в своем поселке, в Котуте, цивилизации там еще меньше.

Микушин – Мы, надеюсь, продираемся в чащобах не в их сторону? Лавры пионера меня не прельщают.

Богдан – Успокойся, я тоже воспринимаю романтику в разумных дозах... Да мы почти пришли. Надеюсь, ты не ободрал себе руки об эти заросли?

Микушин – Ободрал – полбеда. Ноги уперлись в какое-то возвышение. Здесь увал. Здоровый. Земля вздыбилась.

Богдан – А? Что говоришь?

Микушин – Говорю, что у меня просто нет слов.

Богдан – Отодвинься... Ощущение первозданности, правда? Подними голову и отбрось мелкие мысли! Черное небо и звезды. Как далека отсюда наша родная рациональная цивилизация, что вся жизнь может показаться мелочью в сравнении с этим... У здешних мест совершенно особая властная аура, и звезды на небе почти мифические. Знаешь, старикан Зава-лишин любит пересказывать странный укалаевский миф про существо по имени Боливел – то ли бог, то ли человек, который возомнил себя богом, то ли вообще, чуждое антропоморфное существо; а сам миф про сон этого Боливела – вот он спит, и окружающий нас мир ему снится – снятся люди, земля, Вселенная, и вечное пламя в сердце Вселенной, сверкающие над головой звезды – все вокруг лишь сон и даже не наш сон... Дикари эти укалаи – страшненько, небось?

Микушин – Да ты поэт...

Богдан – Нет, не я поэт – великий Сергей Марон – как у него...

Мне снился сон, что все в нем было сном.
И Дира светом был мой сон расцвечен.
Мой сон – как свет, из приоткрытых век
Во тьме Бесуж мой свет совсем не вечен.

Ах, все пустое, идем, идем... Береги глаза... Наш Укалаев, в сущности, большая деревня. Здесь все про всех знают, и ничего скрыть нельзя – чихнешь в одном месте, и везде станет известно!

Микушин – Мне почему-то не хочется, чтобы все знали, где именно я сегодня вечером чихаю...

Богдан – Привыкай, Виталик... И чихай. На здоровье!.. Если ты здесь временно, то так ли важно, что про тебя говорят сейчас – помни, ты только снишься... Завтра для тебя уже не будет Укалаева, не будет парка, руин, не будет никого. Пустота.

Микушин – Интересно рассуждаешь, а между тем целых два года почти безвылазно торчишь в этой дыре – и безразлично, что про тебя говорят?

Богдан – Провинциальная жизнь не учит логике, а я не владел ею и прежде, в Красноустане – мой шеф, по крайней мере, мне так всегда выговаривает, когда учит жизни... Да, главное – найти понимающих тебя людей – не тех, кто учит, а кто понимает – и хоть здесь, в Укалаеве, хоть в любом другом месте...

Микушин – И что же?

Богдан – Что – что же??

Микушин – Ну, тебя понимают? Философ местечковый!

Богдан – Эк загнул, Виталик... Туго с пониманием-то – и от места не зависит. Нет, я согласен, что укалаевские жители держат приезжих на расстоянии, не доверяют – в самом деле, кто мы для них?

Микушин – Ты говорил, они просто спят за своими заборами – или даже снятся странному Боливелу... Ваш Укалаев – болото – никакой интеллектуальной или духовной жизни.

Богдан – Откуда подобный снобизм? Почему же? Есть пара – тройка персонажей, можно пообщаться при желании. Назову для примера. Бикташев Игорь, журналист, ты его обязательно увидишь на канале Светозара. Иван Степанович Серостанов, местный Кулибин, бывший главный метролог на заводе – теперь пенсионер. Директор музея Завалишин Лев Борисович – рьяный укалаевский патриот. Или вовсе оригинальная личность из аборигенов, зовут Жириком – нет, я серьезно... Даже больше, чем три, получилось...

Микушин – Сборище мыслителей! В образованном обществе в областном центре встретишь больше.

Богдан – Не спорю. Но там не будет подобного неба, звезд, ощущения отрыва... Что есть наша жизнь, Виталик? Вот твоя жизнь?.. Ах, да, мы пришли.

Микушин – Уверен? После блуждания в темноте любое разумное существо покажется мне фантомом.

Богдан – Кто говорит о разумном существе? Если не ошибаюсь, мы приехали сюда ради женщин!

Микушин – Ты предложил безумную затею.

Богдан – А ты последовал.

Микушин – Нет бы мне вовремя остановиться – да знаю, знаю, всему виной сны!.. Смотри, вон там между ветками что-то белеет... Спуститься надо с увала?

Богдан – Это кирпичная стена от прежнего дома – если не ошибаюсь, от склада купца 3 гильдии Серостанова, что торговал китайским шелком, чаем, фарфоровой посудой и вином, богател и в свободное время меценатствовал... Сгнили косточки купца давно, на Межуйском кладбище поглядите – там каменные купеческие склепы... Да не трясись ты, Виталик, живы будем – не помрем. Что нам сделает призрак того купчика? Мы именно сюда идем... Позвольте поприветствовать вас, прекрасные дамы!

Микушин – Сильно сказано, Богдан.

Богдан – Эгей! Какое здесь эхо...

Ануся – Привет, дядя. Кого ищешь?

Богдан – Да вот ехали мимо... Ехали мы ехали – и вдруг приехали. Пока до вас добрались – проплутали.

Ануся – Я так и думала. Чем вам помочь?

Богдан – Ох, и не знаю, чем помочь, просто ума не приложу. Разве оберег какой от покойных купчиков, бродячих призраков, жестоких ранек... Лучше ты сама скажешь!

Ануся – А ты особенно не умничай, дядя... Обереги для разных целей предназначаются – двурогий ояльский сучок или там перышко утренней птички Мерет, камешек с глубины от Дии... Только не всякого оберег спасает. Мы тут с подружками тоже сидим, скучаем, глядим на дорогу – вдруг проедет кто молодой, красивый или богатый...

Богдан – Похоже, вы дождались.

Ануся – Вот и я девчонкам говорю: хотя бы богатый случился! Вдруг проедет, посмотрит и задержится – уж мы не пропустим.

Богдан – Да, не пропустите ненароком.

Ануся – Не тревожься, дядя. А пока, может, прокатимся? Возьмете девушек в свою компанию?

Богдан – Куда, например?

Ануся – Куда вы сами собирались?

Богдан – Не знаю – ночь длинная, найдем занятие, как считаешь?

Ануся – Занятие всегда найдется. Вас двое?

Богдан – Ага. А вас трое?

Ануся – Правильно! Что, перебор?

Богдан – Можем, конечно, взять и двоих. Тогда одна твоя подружка останется здесь – по-прежнему смотреть на дорогу и мечтать.

Ануся – Нет уж! Давайте не будем бросать подружку.

Богдан – Ладно, она немного места занимает... Пошли, что ли? Тачка здесь близко.

Ануся – Таксу знаешь?

Богдан – Обижаешь! Все, как положено. Или предпочитаешь вперед?

Ануся – Мужики вы вроде нормальные, не шалопуты какие-нибудь. Пошли!

Богдан – Опять на увал взбираться? Ноги переломаешь!

Ануся – Ну, тебя-то я знаю, дядя. А твой приятель, похоже, проглотил язык? Пусть что-нибудь скажет. Эй, ты приезжий?

Микушин – С чего ты взяла?

Ануся – Никогда тебя раньше не видела.

Микушин – А ты знаешь в лицо всех мужчин в городе?

Ануся – Ну, всех – не всех, но чужаков отличаю сразу.

Микушин – Редкая память!

Ануся – Не хочешь говорить – не говори. И так ведь говорят: вы за это не платили!

Микушин – Мы, вообще, еще ни за что не платили. Надо разобраться, а стоит ли платить – за иной бросовый товар приходится приплачивать покупателю.

Ануся – Ты не на базаре – здесь не торгуются.

Микушин – Почему нет? Я с местными расценками не знаком, с качеством товара тоже – у вас существует преysкурant услуг?

Ануся – Смотри, какой умный дядя! Ты умный, да? А если такой умный, то ты, наверное, и богатый дядя? Именно такие всегда жлобствуют.

Микушин – Тебе сколько лет, пигалица?

Ануся – Все мои! Вы что же, решили прокатиться ночью, подцепить любых дур и попользоваться на дармовщинку? взять тепленьких да беззащитных? Я только свистну – отыщется кто-нибудь для разборок.

Микушин – Ого, у вас здесь все поставлено всерьез, девочка! Так вот, ты моих денег не считай – лучше посчитай собственную цену. Это лишь говорят, что дареному коню в зубы не смотрят, а ты ведь не лошадь – и вовсе не подарок, не так ли?

Ануся – Может, и не подарок, однако рядом жеребцов тоже не вижу... Не тревожся, я себе цену знаю, и также знаю, что многие из вас не желают платить! И не надейся!

Микушин – Чего ты сразу причисляешь нас к этим «многим»? Может, мы, как раз, и немногие?

Ануся – Кончай лапшу вешать! Гоните деньги вперед! Только после оплаты будем разговаривать.

Микушин – Для одних только разговоров многовато будет?

Ануся – Опять умничаешь? В таком случае разбежимся. Останови тачку, слышишь!

Богдан – Тихо, тихо! Нам незачем сориться, не для этого мы собрались. Не ерепенься, Виталька! И ты тоже поостынь, дорогая.

Микушин – Ты зачем перед нею расстилаешься? Она девка, проститутка – вот кто она такая!

Богдан – Потихе. Ты что, белены объелся? Мы же договаривались отдохнуть, приятно провести время. Тебе вожжа под хвост попала? тянет разругаться и выбросить их на дорогу? Нет, ну я не против, если это твой способ расслабиться. Я-то предпочитаю нечто традиционное. В любом случае за развлечения нужно платить – что в Красноустане, что в Укалаеве... Ты тоже не лезь в бутылку, дорогая, мы никогда не пользуемся бесплатно. Я тебе обещал, что все будет по порядку – так и будет!

Ануся – Выясняй сам со своим другом. И ты прав: в любом случае и этот способ поразвлекаться имеет свою цену!.. Не забывайте, нас трое – так что с вас за троих.

Богдан – Ладно, ладно. Ну что, мир?

Ануся – Мир, чего уж там...

Богдан – И ты все же неправа. Ты как, вообще, серьезно дела ведешь?

Ануся – Многие из вас ездят по этой дороге, и многие останавливаются, шляются в Кутуевском парке по ночам. И угождать каждому – пупок развяжется...

Микушин – Да, все ясно и просто, прямо по преysкуранту, романтика в перечень услуг не входит.

Ануся – Чего – чего, дядя?

Микушин – Нет, ничегошеньки. Ты, я вижу, любительница поболтать со многими мужчинами на дороге.

Ануся – А почему бы не поболтать? Не бойсь, это ведь бесплатно, и никаких денег не стоит.

Микушин – Ты что, считаешь себя неотразимой куртизанкой? Роковой красавицей, от чар которой рушатся царства?

Ануся – Ты чего? Конечно, каждый может обидеть слабую девушку...

Микушин – Какая ты девушка? девушки по ночам в Кутуевском парке подолы не треплют и в машины к незнакомым мужчинам не прыгают – девушки сейчас дома в постелях спят.

Ануся – Ты к словам цепляешься и сразу оскорбляешь?

Богдан – Тебя обидишь... Ты себе цену знаешь. Кстати, ты сейчас назвала побольше, чем обычно.

Ануся – Так довели же меня... Чем займемся?

Богдан – Да как обычно: вперед ресторан Мицкисов, и далее по программе...

Ануся – Как обычно? Ну и цена будет, как обычно. На нас троих.

Богдан – Вас трое, однако нас только двое, ты не считаешь.

Ануся – А что вас считать? Это вы считайте, когда выбираете. Посадили в машину троих – значит, и цена будет за троих.

Богдан – Точный расклад. Ладно, вы втроем нас не объедите и не обопьете, а дальше как получится...

Ануся – Твой приятель согласен? Он, наверное, уже выбрал и все рассчитал по своему преysкуранту – уж я-то ему никак не подойду.

Богдан – Спроси у него сама – чай язык не отвалится.

Микушин – Нет, именно ты и подойдешь – только ты!

Богдан – Вот видишь! Они хорошие девочки, только, дорогуши, выкиньте ваши папиросы, а то салон пропахнет вашей дешевой гадостью.

Ануся – Ты, дядя, угости, чем получше!..

1.8

Заброшенный Кутуевский парк
Два друга Валька Жердыкин и Петр Седлов.
Ануся Рожкова.

Валька – Так, записал... И это не забыл... Позавчера оттащили в Гон-Виру – столько... Приплюсуем строки...

Седло – Ты чего там карябаешь на листочке, Вальша? Цифирки? Мозги упражняешь? Пользительно.

Валька – Не суйся, Седло. Я делом занимаюсь. Пытаюсь подбить бабки.

Седло – Сколько у нас выходит на брата? Таскаем харзу, таскаем – когда заплотют нам?

Валька – Когда рак на горе свистнет! Позавчера ты посеял две колобушки. Раззява!

Седло – Не посеял, а обронил. Случайно. Что мне теперь, голову снять?

Валька – Это не помешает. Все колобушки посчитаны. На кого потерю отнести? На тебя?

Седло – Почему на меня? А если бы меня с ними поймали?

Валька – Ничего бы не было. Тебе восемнадцати не исполнилось.

Седло – Ага. Успокаиваешь...

Ануся – Прохлаждаетесь, обалдуи?

Валька – Чего?

Ануся – Ничего! Мы уезжаем!

Валька – Все втроем?

Ануся – Втроем. Когда вернемся – не знаю. Похоже, на всю ночь, если не сорвется... А вы нас ждите! Валька, гаденыш, если узнаю, что ты опять куда-то свалил – можешь не возвращаться оттуда. Ясно говорю?

Валька – Ануся, ты что? Когда я...

Ануся – Вот именно! Долю свою получишь, если отработаешь. Я милостыню не подаю. Чао – какао.

Валька – Видно, с деньжатами типы попались. Этого первого – рыжего пузана, который договаривался – я знаю, он из местных шишек, сюда уже приезжал раньше – строит из себя крутого, пальцы растопырит, рожа кирпича просит... Поучить надобно для такого случая.

Седло – Зачем? Он всегда платит хорошо... Вот и ладненько, сегодня будут бабли.

Валька – Ты губу не раскатывай. Ануся всегда прижимиста, с нее лишнего не потребуешь, а таксу она знает лучше нас с тобой.

Седло – Ты просто не умеешь разговаривать с бабами! Чем Ануся отличается от иных сопликов? Это с виду она борзая, а под юбкой у нее то же самое, что и у других.

Валька – Ха! Бабенка! Ануся! над деньгами трясется, как старуха скупердяйничает, даже других девчонок обдирает, а ты решил получить с нее сверх положенного – пойдй попробуй! Вот с ее клиентов получить еще можно – сразу видать, улов сегодня жирный.

Седло – Опять ты за старое! Один раз по твоей милости нарвались – у меня руки и плечи до сих пор болят.

Валька – Пустяки все! Надо просто не лезть напролом – выбирать осмотрительней.

Седло – Пустяки? Ты слинял первым, а мне вломили, как следует. Ты слишком быстро бегаешь, друг, а я тебя послушал...

Валька – Ты тоже надеялся получить! В следующий раз умнее будем. На мордобой нарываться не стоит – по-тихому оглушить и пошарить по карманам.

Седло – Рассуждать ты горазд. А вот пострадал только я. Неважно, что мы с тобой договаривались... Тогда мы отперлись – сказали, что это не мы клиентов потрясли, но Ануся далеко

не дура, и дважды лапшу ей навесить не получится – она нам, вообще, от ворот поворот даст. И не только...

Валька – Ну и что она сделает? Девчонка!

Седло – Она хорошие деньги зашибает на этом деле, и многим отстегивает – стоит ей пожаловаться Мухе, старшему брату этой коровы Наташки – тебе мало не покажется... Вдобавок, где теперь искать наших богатых клиентов? Уехали на своей тачке – можешь побежать за ними следом, Вальша. Ты быстро бегаешь – я убедился.

Валька – Но что-то делать надо! Деньги очень нужны.

Седло – Что тебе делать? Давай подождем Анусю – утром она освободится и отстегнет нам нашу долю.

Валька – Да что мне делать с моей долей? Копейки! Они не спасут...

Седло – Ты хочешь сказать – с нашей долей?

Валька – Какая разница! Вообще, Ануська развернулась – гребет деньги лопатой. Скоро здесь возникнет целый дом свиданий.

Седло – Тогда уж – парк свиданий... Ладно, попроси у нее – скажи что-нибудь.

Валька – Она просто так не дает – под проценты.

Седло – А ты пожалостливей попроси – у Ануси бывает очень редкое настроение, когда она расщедрится.

Валька – Не припоминаю щедрости. Когда на нее нападает слезливая блажь, она только носом хлопает, но за кошелек цепляется. Придется с ней серьезно поговорить!

Седло – Seriously? Ой, насмешил! Забыл, в какую дикую кошку она превратилась, когда встретила того идиота с ножичком ночью на узкой дорожке? и ножик его не выручил. Я видел ее ногти, она же их до крови изодрала о рожу того маньяка – то ли его кровь, то ли Ануси... Его после не поймали, но ручаюсь, что физиономию она ему подпортила надолго, если еще и глаза не выцарапала – недаром его давно не видно и не слышно – зализывает раны!..

Валька – По заслугам. Вообще, что за тварь! Ведь это не обязательно местный – здесь столько чужаков пехом шастает и на машинах носится – понятно зачем...

Седло – Точно! Уже дорогу на пустыре накатали своими тачками. Скоро увал разровняют. Тихое местечко было совсем недавно, посторонние носа не совали, а теперь даже ночью тебя на пустыре вполне сбить могут – и правды не отыщешь! Когда у нас беспредел начался?

Валька – Когда? С тех пор, как Ануся стала серьезно свой бизнес вести. У нее хорошо голова устроена – арифмометр, а не мозги. Здесь доходное местечко образовалось... Но ты прав – много постороннего народу в поселке – прям проходной двор. Неудивительно, что эдакая сволочь завелась – и вправду может очутиться каким-нибудь идиотом, которому Анусины расценки не по карману – вот и ловчит.

Седло – Да уж! Пользоваться нашими девчонками бесплатно!.. И чего он в поселке рыщет? Отправлялся бы в город – мало там гусынь, что ли? Погоди, у нас один раз нарвется, другой раз – на третий не сносить ему головы. Участковый Муха спит и видит его отловить и отличиться по службе. Ты же знаешь – дуракам везет.

Валька – Этот жиртрест никого не поймает. Единственно, на что он способен – срывать по мелочи. И ведь как носом чует интерес, гад ползучий!

Седло – Ты на него зол за то, что он тебя подловил – на это же у него ума хватило! Выгреб твою заначку – и колобушки, и денежки... Вот ты бесишься, что посчитать цифирки не удастся – приплел, будто я две колобушки потерял...

Валька – Заткнись, идиот! Муха мне заплатит. Мало того, что он вытряхнул у меня карманы, так еще стукнул моему отцу. А ты знаешь, как отец злится, когда у него не хватает на выпивку? адски! У меня до сих пор в голове звенит, как он меня отдубасил. Когда я голову резко поднимаю – вот так! – у меня в уголках глаз желтые змейки бегают. Сволочь!

Седло – Кто? Твой папашка?

Валька – Муха!! Да пошел он к черту! Если думает, что я стерплю – ошибается жиртрест!
Седло – Мало тебя, что ли, отец волтузил? Оклемаешься, не впервой!

Валька – Поглядим еще! Бабка боль сняла, не то бы мне...

Седло – Интересно, кто бы это мог быть? Ну, кто же у нас в поселке с ножичком безоб-
разничает?

Валька – Дознаемся – рога обломаем.

Седло – Ниче с ним не стряслось, разве только на один глаз окривел после встречи с Ану-
сей.

Валька – Я догадываюсь, кто у нас этим свинством занимается.

Седло – Вот ты участковому Мухе шепни на ушко, задобри его – ведь если он еще раз
к твоему отцу сходит...

Валька – Тогда мне кранты, точно...

Седло – Что ты, в самом деле, боишься! На крайняк Мерету пожалуйся.

Валька – Он меня не терпит. Я же вижу, как он на меня смотрит – как волк...

Седло – Понятно, после того, как ты прилюдно выразился про его жену! Валька, язык
твой...

Валька – А что я сказал? Ничего не сказал! Дияр – странная, молчаливая... И не только
я – Ануся тоже про Мерета говорила...

Седло – Подумаешь, она говорила, ты говорил – отыскались два остряка – ты да Ануська.
Кто вы оба? пыль под ногами, из всех Худопеев и даже Бесур самые последние. Вот если бы
вы были Сульитами – тогда другое дело, а так...

Валька – Порядочки! В следующий раз меня отец до смерти забьет – и ничегошеньки
не сделаешь!

Седло – Послушай, друг, но ведь ты сам виноват. Кому ты только в поселке крови не под-
портил? наговорил кучу гадостей про жену Мерета и прочее...

Валька – Но она и взаправду дура!

Седло – Ты еще дурней! Разве можно так отзываться про Дияр? Мерету это очень
не по вкусу – особенно теперь, когда жена родила ему ненаглядного ребенка? Как он с ним
носитя, с рук не спускает!.. Да будь она хоть трижды дура! Своими глупостями ты нажил себе
врагов – всю семейку Селзенев. Дядя Меретов – отец Дияр, старикашка – урод еще тот, ты
горько пожалеешь о своих словах! И тебя никто за язык не тянул!

Валька – Ладно, не страдай, пуганый!

Седло – Ты опять не понял! Уразумей своей дурьей башкой, что после всех твоих фоку-
сов никто уже не удивится ничему, даже если завтра скажут, что это ты по ночам в поселке
художествами занимаешься!

Валька – Иди ты!

Седло – Правда, правда.

Валька – А ты заметил – Митькай Лешик вернулся?

Седло – Ну и что? Сходим к нему за харзой и колобушек на продажу наделаем?
Не такой же он кретин!

Валька – Вернулся, надо же! Он о брате беспокоится – старший давно не вылезал
из Лешиковской берлоги – после того, как наш маньяк из-за Ануси окривел. И вот всю жизнь
—то Митькай нянькается с братом – Иван один бы не прожил. Теперь Митькай вовсе от него
не отойдет. И значит, пока в поселке будет тихо.

Седло – С чего бы это вдруг? Ага, ты же говорил – маньяк лечится после Ануськиных
когтей, на улице не высовывается...

Валька – Нет, вовсе не поэтому. Но вот попомнишь – будет тихо!

Седло – Загадочный ты...

Валька – Муха меня крепко достает. Почему я должен париться ради старшего Лешика? Мне, знаешь, плевать, что у него временами котелок не варит. Но ты попал пальцем в небо. Ваньке Лешiku по ночам с ножиком бегать нужды нет, от него и так все бабы шалеют. Как на подбор попадаются все молодые, гладкие да богатые телки. Везет же мужику! И удовольствие получить, и еще много чего...

Седло – Значит, он совсем не дурак, как ты говоришь, и с котелком у него в полном порядке.

Валька – Кто ж ведает. Все бабы под одеялом одинаковы, мужики тоже, а Ванька – супермен выискался! Богатые бабешки за ним табуном бегают и все по его слову делают.

Седло – Ну, так попробовал бы как Лешик, а не жаловался на копейки от Ануси... Не дано тебе!

Валька – Старший Лешик либо с бабами развлекается, либо строгаёт свои фигурки и вавукры, и на всем деньги имеет... Много деревяшек да сучков всяких натаскал Митькай из леса – вся Лешиковская берлога заполнена – как он туда баб водит! Строганием занимается ночи напролет, изредка выползает на улицу. И, как правило, его ночные вылазки заканчиваются одним – ты можешь не верить. Но я с Мухой больше объясняться не буду – он тоже чересчур ретивый, хочет милицейским начальником стать – за чей счет, я спрашиваю?... А тут умора – мне рассказали, но я думаю, что соврали – будто про Лешика недавно в газете пропечатали – будто он вроде как экстрасенс, поверишь ли? По телеку тоже про Лешика муру несли – это журналист на местном канале Светозара...

Седло – Ты сам видел? Ну, то-то же! Что мог путного про Лешика журналист сказать, когда Лешик о себе ничего не скажет... Весь его экстрасенс в штанах хоронится. А Митькай простак! по лесу шастает, в леспромхозе за здорово живешь ломается – пример брата перед глазами! Митькай за него дрожит...

Валька – Ну, Митькай – он все равно не такой, как Иван... Митькай – работяга... И он всегда чувствует, в какую историю брат вляпался. Действительно, что-то он вернулся из леса прежде срока – странно...

Седло – Вообще-то, много странностей в последнее время творится. Ануся тоже невеселая ходит, а уж зла как черт! И ты хочешь с нее лишнюю копейку затребовать – да удавится она! как бы на тебе свои когти не попробовала...

Валька – Что мне тогда остается?

Седло – Не ведаю. Куда тебе сунуться, чтобы не побили... Ты ведь всех доконал порядком, Вальша... Ах, нет, знаю – ты к бабки своей Жердычихе обратись, ей за ворожбу да прочие штуки денежки платят, а дураков на свете много – вот твоя бабка складывает в кубышку. Кому же помогать, если не родному внуку?

Валька – Нашел что предложить! Тогда уж лучше Ануська! Авось расщедрится... Или нет? Скорее всего, нет.

Седло – Скорее всего. Не из-за денег она злится. Во-первых, объявился Цуев – ты знаешь, о ком я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.